

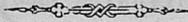
Л-61

№ 1. 5. 13. N 8

КАКЪ ОСТАНОВИТЬ

МИРНОЕ ЗАВОЕВАНІЕ

НАШИХЪ ОКРАИНЪ?



Нѣмецкій вопросъ, сущность и значеніе
его въ юго-западной Россіи.

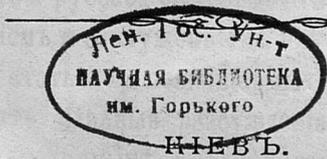
4186

СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

А. П. Липранди.

(А. Вольнеуз.)



Тип. ген. Бруна, ар. Л. И. Блеханомъ. Соф. № 6.

1890.

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ о нѣмецкой колонизаціи въ юго-западной Россіи въ послѣднее время положительно не сходитъ со страницъ русскихъ газетъ. Стоитъ развернуть любой номеръ любой русской газеты, отъ большой столичной и до самой убогой провинціальной, чтобы наткнуться, если не на передовую статью, или статью съ заглавіемъ, то ужъ во всякомъ случаѣ на одну или двѣ корреспонденціи, посвященныя этому вопросу. Вопросъ этотъ, видимо, интересуеть общество, его считаютъ вопросомъ не только созрѣвшимъ, но и вызрѣвшимъ, и съ нетерпѣніемъ ждутъ его разрѣшенія. Эти ожиданія, на нашъ взглядъ, кажутся нѣсколько странными по существу, глубинѣ и обширности самаго вопроса; его невозможно разрѣшить сразу какимъ нибудь законодательнымъ актомъ, не рискуя, что это разрѣшеніе будетъ призрачнымъ, недѣйствительнымъ, а жизнь пойдетъ по давно и прочно пробитой колеѣ.

Дѣйствительно нѣмецкій вопросъ—это вопросъ чрезвычайно серьезный, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что русская печать и русское общество относятся къ нему съ должнымъ вниманіемъ и заслуженнымъ интересомъ; жаль только, что не во всѣхъ статьяхъ, посвящаемыхъ этому жгучему вопросу можно находить здравыя разсужденія; такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ столичныхъ публицистовъ, возставая въ защиту нѣмцевъ, нѣмецкой колонизаціи и штунды, силятся доказать, что нѣмцы не такъ дальновидны, чтобы вести колонизацію

нашихъ окраинъ для политическихъ цѣлей, что происхожденіе южно-русской штунды не нѣмецкое, что движеніе это возникло внѣ всякаго внѣшняго вліянія, тѣмъ болѣе нѣмецкаго и пр., и пр., и пр. Понятно, что всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ истиннымъ положеніемъ нѣмецкаго дѣла на юго-западѣ Россіи, всѣ подобныя тирады кажутся смѣшными, тенденціозность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но вѣдь большая часть нашего общества черпаетъ всѣ свѣдѣнія изъ газетъ, а потому весьма естественно, что тенденціозныя статьи этихъ послѣднихъ о нѣмецкой колонизаціи и штундѣ приводятъ лишь къ тому, что въ обществѣ укореняются ложныя понятія о такихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, какъ нѣмецкій и штундистскій. Все это вынуждаетъ насъ приступить къ изданію настоящаго изслѣдованія, предлагая кторое, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что все сказанное нами въ настоящей книгѣ, составляетъ результаты нашихъ наблюденій и изслѣдованій, которымъ мы посвятили безъ малаго четыре года, а потому надѣемся вполне согласно съ истиннымъ положеніемъ дѣла.

Дай Богъ, чтобы все сказанное и предлагаемое въ настоящемъ изслѣдованіи не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь...

Авторъ.

Общій взглядъ.

Благодаря своему географическому положенію—на рубежѣ австрійской границы и въ близкомъ сравнительно сосѣдствѣ съ германской имперіей—нашъ Юго-западный край вообще и Волынская губернія въ особенности, представляетъ собой весьма удобный уголокъ для притока всякаго рода иностранныхъ пришельцевъ. Начиная съ 1860 годовъ, сюда стало стекаться все, что по какимъ либо причинамъ вынуждено было оставить свое отечество и искать себѣ пріюта и пропитанія въ чужихъ странахъ; политическія-ли убѣжденія, религіозныя-ли требованія, или, наконецъ, экономическія условія гонять изъ родной страны,—все это стремится въ гостепріимную Россію и остается преимущественно въ пограничной Волынской губерніи. Большинство этихъ эмигрантовъ поселяются здѣсь навсегда, нѣкоторые-же пребываютъ тутъ только временно и затѣмъ отправляются въ сосѣднія и южныя губерніи. Около тридцати лѣтъ тому назадъ на Волыни образовали первую свою колонію наши западные сосѣди-нѣмцы. Начиная съ того времени они переселяются туда чуть-ли не ежедневно цѣлыми тысячами семействъ, захватывая разными способами громад-

ные участки земли—нѣкоторые приобретаѣя ихъ въ собственность, большая-же часть, снимая въ аренду на продолжительные сроки и, назвавъ себя „культуривизаторами“ страны, лишь безпощадно эксплуатируютъ мѣстное населеніе, совершенно не внося въ среду его никакихъ культурныхъ началъ. Это мирное завоеваніе нашихъ окраинъ, какъ мы уже выше сказали, продолжается около 30 лѣтъ и въ настоящее время обширная Волынская губернія уже сплошь покрыта громадными нѣмецкими колоніями, а нѣмецкое населеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ея составляетъ значительную часть общаго числа жителей. Кто изъ путешественниковъ, проѣзжая лѣтъ 15—20 тому назадъ по Волини, не приходилъ въ восторгъ отъ дремучихъ, почти дѣвственныхъ лѣсовъ, покрывавшихъ болѣе половины этой губерніи!... Теперь на мѣстѣ этихъ могучихъ корабельныхъ роцъ раскинуты громадныя нѣмецкія колоніи, а вокругъ нихъ—пахатное поле, къ которому нѣмецъ относится съ такимъ же, если еще не большимъ безсердечіемъ, какъ и къ лѣсамъ. Онъ выжимаетъ послѣдніе соки изъ чуждой ему земли, объ удобреніи ея нисколько не помышляетъ и, что составляетъ главное его стремленіе, истощивъ окончательно одинъ кусокъ земли, переходитъ на другой, съ которымъ поступаетъ также, какъ и съ первымъ и т. д. Вотъ къ чему сводятся интересы нѣмецкой культуры; главной задачей и цѣлью нашего колониста—является разореніе ненавистой ему страны и для достиженія этого онъ не задумывается ни передъ чѣмъ. Но что больше всего оскорбляетъ и до-нельзя возмущаетъ всѣ благородныя чувства какъ всего туземнаго населенія, такъ и каждаго, кому сколько нибудь дороги интересы родной страны, такъ это: общія, такъ сказать, нравственные и политическія отношенія нѣмцевъ ко всему русскому. Не странно-ли и не оскорбительно-ли въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, такого рода явленіе: нѣмецкія колоніи на Волини и вообще на юго-запа-

дѣ Россіи существуютъ уже около 30 лѣтъ и, не смотря на это, вы напрасно будете стараться услышать хоть отъ одного нѣмца, прожившаго въ Россіи болѣе четверти столѣтія и вскормленного на русскихъ хлѣбахъ, русскую или даже малорусскую рѣчь? гордость нѣмцевъ и ненависть ко всему русскому доходятъ до того, что они щеголяютъ и даже гордятся незнаніемъ русскаго языка и это тѣмъ болѣе возмутительно, что тѣ-же нѣмцы съ большой охотой объясняются на еврейскомъ жаргонѣ съ евреями, въ разговорахъ же съ крестьянами прибѣгаютъ скорѣе къ польской рѣчи, чѣмъ къ малорусской, на которой изясняется все сельское населеніе юго-западныхъ губерній. Отъ туземнаго населенія нѣмецъ сторонится и смотритъ на него свысока, считая унижительною для себя сближаться съ нимъ, если не видитъ въ томъ хотя малѣйшей возможности извлечь изъ этого сближенія какой либо для себя пользы. Нѣмцы очень, даже черезчуръ высокога о себѣ мнѣнія, причисляютъ себя къ какой-то высшей культурной расѣ и стараются избѣгать какихъ-бы то ни было сношеній не только съ окружающимъ ихъ русскимъ населеніемъ, но и съ мѣстными административными властями, обращаясь за заступничествомъ, въ случаѣ какихъ либо столкновеній, не къ этимъ послѣднимъ, а къ дипломатическимъ агентамъ германской имперіи. Проѣзжая по нѣкоторымъ наиболѣе заселеннымъ нѣмцами мѣстамъ Волыни (напримѣръ, по прилегающей къ Кременецкому уѣзду части Дубенскаго уѣзда, гдѣ раскинуты громадныя нѣмецкія колоніи на земляхъ, принадлежащихъ берлинской компаніи Вильгельмъ Кене и К^о; замѣтимъ, кстати здѣсь, что эта часть Дубенскаго уѣзда отстоитъ всего въ 35 верст. отъ австрійской границы и носитъ нѣмецкое названіе „Кенеберг“), невольно какъ то забываешь, что находишься на русской территоріи и чувствуешь себя, если и не въ центрѣ Германіи, то въ одной изъ ея провинцій,—до того тутъ все

онѣмечено; нѣмцы стараются занести сюда свои обычаи, порядки и даже ввели новый стиль...

Господствующая національность въ Юго-западномъ краѣ и въ особенности на Волыни буквально игнорируется пришлымъ людомъ—нѣмцами, которые, напротивъ стараются распространить свое вліяніе на русскихъ. Лучшія части Волыни, захваченныя нѣмецкими колонистами, служатъ разсадниками германизациі всего края. Въ наши народныя и другія училища дѣтей своихъ нѣмцы не отдають, въ нѣмецкихъ же школахъ, не смотря даже на то, что всѣ онѣ еще въ концѣ 1887 года подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія*)—русскій языкъ совершенно неизвѣстенъ дѣтямъ и на стѣнахъ школъ красуются портреты императора Вильгельма и Бисмарка. Однимъ словомъ нѣмцы устроились у насъ совершенно какъ дома, организовали здѣсь свой любезный Vaterland и не обращаютъ должнаго вниманія на распоряженія и постановленія русскаго правительства.

Такимъ образомъ, вся хваленая нѣмецкая культура нашихъ колонистовъ, прибывшихъ къ намъ на парѣ тощихъ собакъ, сводится лишь къ тому, чтобы, разоривъ чуждую имъ страну, набить потуже свой карманъ, для достиженія чего нѣмцы не задумываются ни предъ какими средствами. Россія, по ихъ мнѣнію, ни болѣе, ни менѣе, какъ обѣтованная земля, куда они безпрепятственно могутъ переселяться, уничтожать лѣса, истощать плодородныя земли, богатѣть на нашъ счетъ и за тѣмъ, наругавшись и насмѣявшись надъ всѣмъ, что только носить русское имя,—уйти въ другія мѣста и повторять тамъ тоже самое, т. е. также эксплуатировать мѣстное населеніе и всѣ его богатства. Какъ ни прискорбно, а приходится сознаться, что все это такъ и дѣлается. Нѣмцы эксплуатиру-

*) На основаніи Высочайшаго новелѣнія 8 Октября 1887 года.

ютъ насъ, злоупотребляютъ нашимъ довѣріемъ, гостепрѣимствомъ, словомъ пользуются всѣми нашими слабыми сторонами и ошибками для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, а мы?... Мы по обыкновенію смотримъ на все это, пишемъ, говоримъ, споримъ, кричимъ, и... ничего не дѣлаемъ, будто такъ и должно быть.... Наши ни на чемъ не основанная гуманность и гостепрѣимство довели насъ до того, что мы незамѣтно для себя пріютили въ пограничныхъ Волынской и Подольской губерніяхъ двухсотъ тысячное нѣмецкое населеніе къ намъ не расположенное и могущее въ случаѣ войны быть весьма опаснымъ.

Что же намъ дѣлать? Какъ спасти наши окраины отъ дальнѣйшаго завоеванія и овладѣнія ихъ нѣмцами и какъ избавить ихъ отъ окончательнаго разоренія, порождаемаго нѣмецкой культурой?... Объ этомъ мы, пользуясь данными, подчерпнутыми нами изъ продолжительнаго изученія нѣмецкаго вопроса на мѣстѣ, скажемъ впереди, теперь же вспомнимъ лишь старинную русскую пословицу: „съ волками жить — по волчьему бытъ“....

II.

Нѣмецкая культура.

Нѣмцы, которые въ такомъ обильномъ количествѣ заселяютъ нашъ югъ и юго-западъ, стараются обыкновенно поддерживать существующее или, вѣрнѣе, существовавшее почему-то мнѣніе объ ихъ культурномъ влияніи на мѣстное населеніе въ смыслѣ улучшенія хозяйства. Но, при-

сматриваясь къ ихъ быту и хозяйничанью, мы не встрѣчали положительно ничего, чтобы могло подтвердить это ходячее мнѣніе; надо полагать, что распространителями этого ложнаго, буквально ни на чемъ не основаннаго мнѣнія были сами нѣмцы. Прежде всего рѣдкій колонистъ-нѣмецъ смотритъ на занимаемый имъ участокъ земли, какъ на мѣсто своей осѣдлости, гдѣ онъ долженъ основаться, если и не на всегда, то во всякомъ случаѣ на продолжительное время и сообразно съ этимъ вести хозяйство. Напротивъ, большая часть изъ нихъ никогда не остается на одномъ и томъ же участкѣ болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ, по прошествіи коихъ переходитъ на другой, не смотря даже на то, что арендный договоръ на землю почти всегда дѣлается на 12 лѣтъ, а въ прежнее время дѣлался на 24 и 36 лѣтъ. Изъ этого ясно, что и хозяйство нѣмца ведется съ такимъ расчетомъ, чтобы въ эти три—четыре года извлечь изъ земли все, что только возможно. Являясь въ Россію, нѣмецъ всегда ищетъ вполне не культивированныхъ участковъ, какъ то: лѣса, поруба, кустарника и т. п. (это, конечно, относится къ мелкимъ колонистамъ-арендаторамъ, что же касается тѣхъ крупныхъ нѣмецкихъ капиталистовъ, которые прибываютъ къ намъ съ спеціальною цѣлію закупки земель для заселенія ихъ мелкими колонистами,—то они не разбираютъ ни мѣстности, ни цѣны, а покупаютъ гдѣ случится и платятъ сколько спросятъ—лишь бы захватить все въ свои руки). Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи, напримѣръ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ Волинской губерніи—нѣтъ ни одного нѣмца, тогда какъ въ наиболѣе лѣсныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ волинскомъ Полѣсьѣ (уѣзды Новоградъ-Волинскій, Житомирскій, Ровенскій и др.),—нѣмецкое населеніе составляетъ значительную часть общаго числа жителей. Условія, заключаемыя нѣмцами съ помѣщиками, повсемѣстно почти оди-

наковы, а именно; участокъ земли въ 6—10 десятинь снимается на 12 лѣтъ, съ уплатою въ первые годы отъ 1 до 3 рублей (если снимается участокъ сплошь покрытый лѣсомъ то первые годъ—два бесплатно), а остальные отъ 3 до 6 и весьма рѣдко до 8 рублей за десятину; при этомъ колонистъ обязуется срубить лѣсъ, выкорчевать пни и возвести необходимыя хозяйственныя постройки, которыя по истеченіи аренднаго срока поступаютъ въ пользу владѣльца. Постройки эти нѣмецъ дѣлаетъ обыкновенно такимъ образомъ, чтобы ихъ хватило только на время аренднаго срока; это нѣчто вродѣ самыхъ безобразныхъ шалашей, сбитыхъ изъ сырыхъ пластинъ, съ покосившимися дверьми и едва пригнанными окнами, такъ что, глядя на нихъ, трудно представить себѣ, что это жилища „цивилизованныхъ людей“, именующихъ себя оу насъ «культуризаторами» (?) страны.

Срубивъ лѣсъ и очистивъ участокъ отъ корней и пней, колонистъ сейчасъ же засѣваетъ его рожью или пшеницей и продолжаетъ засѣвать безъ всякаго удобренія и отдыха ежегодно до тѣхъ поръ, пока земля истощится до того, что перестаетъ родить. Тогда нѣмецъ начинаетъ подыскивать охотника переснять у него аренду, а самъ занимаетъ другой участокъ, съ которымъ продѣлываетъ ту же операцію, что и съ первымъ. Охотниками для переснятія такой земли (не нѣмцу нѣмецъ обыкновенно землю не передаетъ) являются обыкновенно тѣ новые выходцы изъ Германіи, которые приходятъ въ Россію съ деньгами и ищутъ участковъ уже культивированныхъ; такимъ образомъ нѣмцы систематически овладѣваютъ землями и разъ земля попала въ ихъ руки, то никогда отъ нихъ не избавится. Старый арендаторъ, переуступая свой участокъ новому, беретъ съ послѣдняго переуступочную плату, размѣръ которой главнымъ образомъ зависитъ отъ того, сколько лѣтъ остается до окончанія аренды, а потому здѣсь, т. е. при пе-

реуступкѣ контрактовъ, не обходится безъ нѣкоторыхъ надувательствъ, жертвами которыхъ являются всегда новые не свѣдущіе арендаторы. Такъ, на примѣръ, при составленіи аренднаго контракта колонистъ всегда проситъ вписать въ него слѣдующій пунктъ: „по истеченіи 12 лѣтняго срока аренды владѣлецъ обязуется продлить контрактъ еще на 12 лѣтъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ.“ Пунктъ этотъ, какъ извѣстно, совершенно не законный и ничуть не обязываетъ владѣльца продлить срокъ аренды, да еще на прежнихъ условіяхъ; но для колониста онъ служитъ средствомъ для надуванія и обирания, при передачѣ контракта, своихъ соотечественниковъ. Такъ, за переуступку обыкновеннаго, 12 лѣтняго контракта, нѣмецъ беретъ съ новаго арендатора отъ 60 до 150 рублей, когда же въ контрактѣ помѣщенъ вышеупомянутый пунктъ, то колонистъ увѣряетъ свою жертву, что контрактъ дѣйствителенъ на 24 года и за переуступку его беретъ двойную сумму. Если нѣмцы до такой степени эксплуатируютъ невѣдѣніе своихъ соотечественниковъ, то можно себѣ представить, до какихъ ужасающихъ размѣровъ доходить эксплуатация простоватости и довѣрчивости туземнаго малорусскаго населенія!...

Переселяясь на сильно истощенный уже участокъ земли, новый поселенецъ, такъ же, какъ и старый, ничего не предпринимаетъ для того, чтобы улучшить почву, а продолжаетъ засѣвать ее ежегодно, пока возможно, хлѣбомъ, а потомъ картофелемъ. Нѣкоторые участки земли въ теченіе 12 лѣтъ переходятъ изъ рукъ въ руки до трехъ разъ и по истеченіи этого срока, попятно, становятся ни къ чему негодными.

Вотъ то нѣмецкое хозяйство, о которомъ существуетъ довольно наивное мнѣніе, что оно не только можетъ, но и должно служить образцомъ для туземнаго населенія. Многіе юго-западные помѣщики, отдававшіе свои земли подъ „образцовое“ нѣмецкое хозяйство, успѣли уже разочароваться въ этомъ

миѣнни и... просто на просто перестали отдавать свои земли нѣмцамъ. Дай Богъ намъ побольше такихъ помѣщиковъ!... Пора, въ самомъ дѣлѣ, отречься намъ отъ той наивной ма-ни, по которой прищлецъ—нѣмецъ считается какимъ-то нашимъ „культуривизаторомъ“ и чуть ли не нашимъ учителемъ и просвѣтителемъ. Оставаться при подобномъ убѣжденіи—болѣе чѣмъ наивно, ибо осязательнѣйшіе факты ясно говорятъ намъ совершенно противное: не культуру и просвѣщеніе внесли съ собой къ намъ нѣмцы, а разореніе въ экономическомъ отно-шеніи и разладъ—въ религіозномъ. Еще слава Богу, что крестья-не наши до сихъ поръ удержались отъ того, чтобы начать пе-ренимать что либо изъ хозяйства нашихъ пришлыхъ „учителей“: какъ ни плоха система хозяйства нашихъ крестьянъ—она имѣетъ всѣ преимущества предъ разрушительной системой хо-зяйства нѣмцевъ. На сколько благотворно для мѣстнаго насе-ленія вліяніе нѣмецкой культуры—это весьма рельефно бри-совывается прошлогоднимъ постановленіемъ Екатеринослав-скаго уѣзднаго земства, рѣшившагося, наконецъ, обратиться съ ходатайствомъ къ правительству объ избавленіи отъ нѣ-мецкой культуры, т. е. объ ограниченіи колонизаціи уѣзда, съ неизбѣжнымъ спутникомъ ея—страшной эксплуатаціей ту-земнаго русскаго населенія.

Но, спросите вы, если нѣмецкое хозяйство никуда не го-дится, то почему же нѣмцы, пріѣзжая къ намъ нищими, такъ скоро богатѣютъ и находятъ средства закупать у насъ про-мадныя пространства земель? Причинъ на то много; во пер-выхъ, большая часть нѣмцевъ является къ намъ со средства-ми, подчасъ довольно солидными, и всѣ они постоянно полу-чаютъ субсидіи изъ своего Vaterland'a; во вторыхъ, нѣмцы въ Россіи до послѣдняго почти времени не несли никакихъ—ни государственныхъ, ни общественныхъ повинностей, такъ что всѣ доходы отъ земледѣлія они могли обращать исключительно

но на свои нужды; въ третьихъ же, главнымъ источникомъ благосостоянія нѣмцевъ служить вовсе не земледѣліе, а молочное хозяйство, которое, нужно отдать имъ справедливость, ведется ими едва-ли не образцово. Особенность нѣмецкаго хозяйства заключается главнымъ образомъ въ томъ, что нѣмецъ не продаетъ всѣхъ собранныхъ имъ зерновыхъ и другихъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства, какъ дѣлаютъ это крестьяне, потому что это невыгодно вслѣдствіе дешевизны этихъ продуктовъ; онъ употребляетъ ихъ на кормъ рогатаго скота, свиней и прочихъ домашнихъ животныхъ, зная, что эта отрасль хозяйства доставляетъ у насъ болѣе значительный доходъ. У колониста съ утра до вечера горитъ огонь подъ огромнымъ котломъ, гдѣ варится картофель, брюква и проч. продукты, предназначенные для домашнихъ животныхъ, которыхъ нѣмецъ почти не выпускаетъ на пастбище, а круглый годъ кормитъ въ стойлахъ. При такомъ уходѣ нѣмецкая корова даетъ молока въ пять—шесть разъ болѣе крестьянской; порода скота у колонистовъ—обыкновенная нѣмецкая, которую они вывозятъ изъ Германіи сами или покупаютъ на мѣстѣ у старыхъ колонистовъ. Въ молочномъ хозяйствѣ, и только въ немъ, нашъ мужикъ могъ бы научиться чему либо полезному для себя, но отношенія нѣмцевъ къ туземному русскому населенію, какъ мы сказали уже въ предыдущей главѣ, таковы, что исключаютъ всякую возможность сношенія съ ними. Жаль только, что нѣмцы, переселяясь къ намъ въ Россію, не сохраняютъ за собой той чистоплотности и аккуратности, которыми они славятся дома. Войдя въ домъ нѣмца-колониста, вы будете поражены ужаснымъ зловоніемъ и невообразимой грязью. У него все подъ одной кровлей: въ жилой избѣ и телята, и поросята, и домашняя птица; здѣсь же всѣ хозяйственныя принадлежности; подъ поломъ погребъ, наполненный картофелемъ, издающимъ сырой, непріятный запахъ. Черезъ дверь,

за стѣной, коровы, лошади, свиньи — все это въ ужасной грязи и тѣснотѣ. Приготовление, столь употребительнаго на всемъ югѣ и юго-западѣ Россіи, нѣмецкаго масла также не отличается особенной чистотой и опрятностью. Свиньи, масло, сыръ и т. п. продукты — вотъ главные предметы сбыта нѣмецкаго хозяйства. Особенно широкіе размѣры приняла въ послѣднее время вывозъ свинины и масла. Эти два продукта, кромѣ мѣстнаго употребленія, отправляются громадными партіями, съ одной стороны — въ Люблинъ, Варшаву, Петербургъ, а съ другой — въ Кіевъ, Курскъ, Харьковъ и др. города, гдѣ они имѣютъ большой и выгодный сбытъ. Свинные продукты сбываются преимущественно въ Варшаву и вообще Привислянскій край, а также за границу (въ Австрію и Германію).

Вообще нужно сказать, что нѣмцы быстро богатѣютъ у насъ отъ того, что они могутъ существовать при самыхъ не выгодныхъ условіяхъ, живя на первыхъ порахъ нерѣдко въ шалашахъ, сколоченныхъ изъ досокъ и питаясь однимъ картофелемъ. При этомъ они умѣютъ пользоваться всѣми выгодными сторонами своего положенія въ данной мѣстности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселяются нѣмцы, они арендуютъ всѣ свободныя земли, скупаютъ лѣса и до того стѣсняють крестьянское скотоводство, что въ деревняхъ, сосѣднихъ съ нѣмецкими колоніями, крестьяне, за неимѣніемъ выгоновъ и безпощаднаго занимаія нѣмцами бродячаго скота, — держатъ его въ весьма незначительныхъ размѣрахъ.

III.

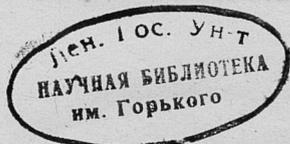
Захватъ земель.

Нѣмцы, по своимъ правамъ, народъ крайне агрессивный; это холодные эгоисты, не признающіе ничего кромѣ собственныхъ интересовъ. Нѣмецкое „Ichheit“ нельзя перевести ни на одинъ языкъ: *Deutsche Ehre, deutsche Frauen, deutsches Wissen* — вотъ три вещи, на которыхъ нѣмцы основываютъ свои преимущества предъ другими народами и которыми преисполнена вся современная нѣмецкая печать. Прибавьте къ этому еще „*deutsches Vaterland*“ и вамъ станутъ понятны многія явленія въ жизни нѣмцевъ. „*Deutsches Vaterland*“ — это земля въ центрѣ Европы, сжатая съ запада и востока; имѣя лишь тѣсный выходъ къ морю, она составляетъ площадь въ 546608 кв. километровъ, т. е. 512.718 кв. верстъ, что составляетъ только $\frac{1}{36}$ часть Россійской имперіи! Нынѣ на этой землѣ проживаетъ 47,3 мил. человѣкъ, т. е. на квадратный километръ, въ среднемъ, приходится 86,7 жителей, а есть мѣста, гдѣ эта цифра доходитъ до 100 и болѣе человѣкъ. Такое несоразмѣрное отношеніе между числомъ жителей и пространствомъ ими населяемымъ, повлекло за собой выселеніе, тѣмъ болѣе, что земля въ Германіи большею частью малопродуктивна. По официальнымъ даннымъ съ 1871 по 1888 годъ изъ Германіи выселилось 1,75 мил. человѣкъ только чрезъ французскую и нидерландскую границы, въ 1888 г. чрезъ тѣ же границы выселилось 98,5 тысячъ нѣмцевъ. Сколько же выселилось нѣмцевъ чрезъ другія границы? Объ этомъ, къ сожалѣнію, данныхъ у насъ не имѣется, но мы совершенно не ошибемся, если скажемъ, что число нѣмцевъ, выселяющихся чрезъ восточную границу, т. е. въ Россію, весьма велико, ибо извѣстно, что въ

4886

4186

послѣднія десятилѣтія Россія для нѣмцевъ составляетъ что то
вродѣ обѣтованной земли, куда они стекаются для распро-
страненія своего вліянія. Со времени объединенія Гер-
маніи вопросъ о выселеніи нѣмцевъ сталъ для нихъ вопро-
сомъ культурнымъ. Они организовали постоянную связь меж-
ду нѣмецкими колоніями и Германіей. Организациія эта имѣетъ
цѣлью охранять и развивать въ переселенцахъ нѣмецкое на-
ціональное самосознаніе, подавать имъ матеріальную и нрав-
ственную помощь и тѣмъ самымъ дать возможность нѣмецкой
эмиграціи всюду, гдѣ она загнобится, высоко держать об-
щее нѣмецкое знамя. Для этихъ цѣлей въ Германіи было из-
дано и издается множество брошюръ, вродѣ инструкцій для
нѣмецкихъ эмигрантовъ, и основано нѣсколько обществъ. Изъ
этихъ послѣднихъ, имѣющихъ постоянную связь съ нѣмецки-
ми поселенцами въ юго-западной Россіи, отмѣтимъ слѣдующія:
1) Allgemeiner deutscher Schulverein въ Берлинѣ; главная зада-
ча этого общества—нѣмечиваніе славянъ путемъ устройства:
нѣмецкихъ школъ въ славянскихъ земляхъ; общество это раз-
сылаетъ во всѣ наши нѣмецкія колоніи и школы книги, га-
зеты, журналы, картины и пр. 2) Deutsche Colonialgesellschaft,
состоящее подъ предсѣдательствомъ князя Гогенлоэ Ланген-
берга; общество это управляетъ и руководитъ дѣломъ устрой-
ства нѣмецкихъ эмигрантовъ въ чужихъ странахъ. 3) Deutscher
Exportbank, доставляющій кредитъ нѣмецкимъ эмигрантамъ, и
мног. друг. Изъ брошюръ, которыя наиболѣе откровенно
разъясняютъ нѣмецкой эмиграціи, что ея обязанности въ чу-
жихъ земляхъ, оказавшихъ ей гостепріимство, состоятъ въ
томъ, чтобы служить распространенію нѣмецкаго владычества,
укажемъ на весьма распространенную на нашемъ юго-западѣ
брошюру D-ra Retvisch'a: „Was ist zu thun um das Deutschland
im Auslande zu erhalten und zu retten“. Въ этой брошюрѣ
прямо говорится, что всякій нѣмецъ-эмигрантъ обязанъ „всѣ-



ми средствами стараться выжить изъ сосѣднихъ Германіи земель всѣхъ, кто не нѣмецъ и сдѣлаться имъ не хочетъ". Большая часть брошюръ оканчивается обыкновенно дружескими совѣтами нѣмцамъ переселиться не въ Америку, а въ Россію, откуда они легко могутъ поддерживать связи съ своей родиной.

Изъ сказаннаго видно, что нѣмцы прекрасно обставили дѣло эмиграціи, создавъ изъ нея сильное орудіе для распространенія своего владычества.

Первымъ гостепріимнымъ пунктомъ для нѣмецкихъ эмигрантовъ, держащихъ путь на востокъ, является Привислянскій край, какъ непосредственно примыкающій къ германской имперіи; здѣсь колонисты остаются не долго; собравъ нѣкоторыя средства, они двигаются далѣе — на Волюнь, а оттуда уже въ сосѣднія съ нею юго-западные и южные губерніи, гдѣ ими заранѣе высматриваются чрезъ своихъ уполномоченныхъ дешевыя земли. Такимъ образомъ, не говоримъ всѣ, но значительная часть (около половины) нѣмецкихъ колонистовъ въ нашихъ юго-западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ пребываютъ только временно — отъ 4 до 8 и рѣдко болѣе лѣтъ — и затѣмъ двигаются на югъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, что передвиженіе нѣмцевъ на югъ способствуетъ уменьшенію нѣмецкаго элемента на юго-западѣ; совсѣмъ нѣтъ: нѣмецкое населеніе въ юго-западныхъ губерніяхъ отъ этого не только не уменьшается, а, какъ на примѣръ, на Волюни, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Дѣло въ томъ, что переселяющіеся въ южные губерніи колонисты свои пепелища и земельныя участки въ юго-западныхъ губерніяхъ передаютъ только нѣмецкимъ-же колонистамъ, постоянно прибывающимъ изъ Германіи новыми группами. Эти новые колонисты тоже сперва предпочитаютъ осѣсть въ Привислянскомъ краѣ, гдѣ бытовыя условія не такъ рѣзко отличаются отъ та-

ковых на родинѣ; затѣмъ, осмотрѣвшись и сколотивъ средства, эти колонисты въ свою очередь двигаются далѣе, передавая свои мѣста новымъ пришельцамъ и т. д. Такимъ образомъ происходитъ мирное, но вѣрное земельное завоеваніе юга и юго-запада Россіи.

Но это еще не все; въ то время какъ десятки тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ захватываютъ разными способами въ свои руки мелкіе участки земли,—въ то же самое время сотни нѣмецкихъ капиталистовъ приобрѣтаютъ въ собственность громадныя земельныя пространства въ пограничныхъ юго-западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ. Изъ Германіи постоянно прибываютъ сюда крупныя капиталы и скупаютъ большія имѣнія, платя за нихъ нерѣдко баснословныя деньги. Уже одинъ фактъ перехода имѣній въ нѣмецкія руки въ пограничныхъ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ правительство десятки лѣтъ уже хлопочетъ объ утвержденіи только русскаго землевладѣнія,—не представляетъ собою ничего утѣшительнаго; если же мы посмотримъ, съ какою цѣлью скупаются нѣмцами въ пограничной полосѣ имѣнія и во что преобразуются они послѣ перехода въ нѣмецкія руки,—то фактъ этотъ окажется, по меньшей мѣрѣ, возмутительнымъ. Громадныя имѣнія эти скупаются нѣмцами съ спеціальною цѣлью (да, вѣроятно, и на спеціальныя средства) заселенія ихъ тысячами мелкихъ нѣмецкихъ колонистовъ и образованія изъ нихъ уголковъ Германіи, долженствующихъ служить источниками германизации всего юго-запада Россіи. Мы не голословны, не витаемъ въ области предположеній; факты у насъ предъ глазами и мы говоримъ только о томъ, что сами видѣли, что дѣлается на нашихъ глазахъ; чтобы дать читателямъ наглядное обо всемъ этомъ понятіе, мы приведемъ нѣсколько подобныхъ фактовъ.

Въ 1885 году князь Любомирскій продалъ часть своего Дубенскаго (Волинской губ.) имѣнія, состоящую изъ фольварка

и 10,000 десятинь лѣса за 120 тыс. рублей. Не успѣлъ еще новый владѣлец взглянуть на купленное имъ имѣніе, какъ является къ нему покупатель и предлагаетъ за это имѣніе 240 тыс. руб. Отказаться было трудно и имѣніе было вторично продано съ заработкомъ 120 тыс. руб. Еще не успѣли совершить новую купчую крѣпость, какъ явился нѣмецъ, уполномоченный отъ фирмы Вильгельмъ Кене въ Берлинѣ и предложилъ за имѣніе 280,000 рублей, уплачивая всѣ деньги впередъ. И дѣйствительно, какъ было не дать нѣмцу такой суммы за это имѣніе, когда оно удовлетворяетъ всѣмъ его требованіямъ: во первыхъ.—велико, во вторыхъ, находится всего въ 25—30 верстахъ отъ границы и, въ третьихъ, отстоитъ въ 20 верстахъ отъ нашей крѣпости Дубно!.. Нѣмцы купили это имѣніе, вызвали изъ Германіи болѣе четырехъ тысячъ колонистовъ, основали въ немъ громадную, протяженіемъ въ нѣсколько верстъ, колонію „Keneberg“ и такимъ образомъ сдѣлали изъ имѣнія уголокъ Германіи. Все это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ видамъ нѣмцевъ, но намъ то что съ этого?... А намъ вотъ что: въ крѣпости Дубно стоитъ два полка и резервный баталіонъ, всего около 1800 человекъ, въ 20-же верстахъ отъ крѣпости, во владѣніяхъ Herr Кене, стоитъ четырехъ-тысячная нѣмецкая армія колонистовъ. Неправда-ли это очень красиво, а главное удобно (!) на случай войны! Подобныхъ же разсадниковъ германизма на нашей юго-западной границѣ (напримѣръ, владѣнія Рау и К^о въ Ровенскомъ уѣздѣ, Пенкалы и К^о въ Кременецкомъ уѣздѣ, и пр.) можно бы считать десятки, но и этого, намъ кажется, достаточно для того, чтобы понять всю опасность отъ чрезмѣрнаго наплыва нѣмцевъ въ пограничныя губерніи и ту систематичность, съ какою нѣмцы производятъ мирное завоеваніе нашихъ окраинъ.

Въ послѣдніе годы нѣмцы успѣли проникнуть и на югъ. Въ губерніяхъ Херсонской, Таврической, Екатеринославской,

Харьковской и мн. др. нѣмцамъ принадлежать уже значительныя площади земель; въ нынѣшнемъ году довольно большія партіи нѣмецкихъ колонистовъ, уступивъ свои мѣста на Волини новымъ выходцамъ изъ Германіи, отправились въ Черниговскую губернію, гдѣ до настоящаго времени о нѣмцахъ не было и помину, — однимъ словомъ нѣмецкая колонизація разлилась по всему югу Россіи. Въ настоящее время это уже всѣмъ извѣстный фактъ и фактъ, безъ всякаго сомнѣнія, весьма печальный, но можетъ ли имѣть нѣмецкая колонизація въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ то серьезное значеніе, какое она имѣетъ въ пограничныхъ губерніяхъ юго-западныхъ и привислянскихъ? Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что развитіе нѣмецкой колонизаціи до настоящихъ ея размѣровъ одинаково нежелательно какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ губерніяхъ, но развѣ можно оспаривать то обстоятельство, что нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи не можетъ имѣть никакого угрожающаго значенія; нѣмецкій вопросъ на нашемъ югѣ—это чисто экономическій вопросъ, тогда какъ нѣмецкая колонизація на юго-западѣ Россіи—въ губерніяхъ привислянскихъ, Кіевской, Волинской, Подольской, Ковенской и нѣкот. друг.,—имѣетъ весьма важное значеніе не только экономическое, но и общегосударственное, политическое. Вѣдь ужъ одно то обстоятельство, что всѣ эти губерніи—или пограничныя или сосѣдныя съ ними, достаточно говорить за то, что нѣмецкій вопросъ имѣетъ тамъ угрожающее значеніе; но не одна пограничность играетъ здѣсь роль: всѣ перечисленныя губерніи юго-западной Россіи до сихъ поръ еще, какъ извѣстно, отличаются замѣчательною пестротой и разношерстностью своего населенія; русское правительство не успѣло еще покончить разрѣшеніе вопросовъ польскаго и еврейскаго, какъ въ самое короткое время возникъ, развился и созрѣлъ въ тысячи разъ опаснѣйшій вопросъ нѣмецкій! Тридцатилѣтнія усилія Прави-

тельства къ обрусѣнію Юго западнаго и Привислянскаго края чуть-ли не привели лишь къ тому, что эти тридцать лѣтъ тому назадъ жидовско-польскія губерніи превратились въ настоящее время въ жидовско-польско-нѣмецкія. Прежде русская народность и православіе въ этомъ краѣ были поставлены въ необходимость вести непрерывную борьбу съ вѣковой католической пропагандой, теперь имъ, кромѣ нея, приходится вести борьбу и съ пропагандой лютеранизма ..

Все вышесказанное даетъ намъ право утверждать, что нѣмецкій вопросъ на юго-западѣ Россіи имѣетъ особенно важное значеніе, а потому разрѣшеніе его должно начаться именно съ этихъ окраинъ, дабы прежде всего очистить отъ враждебнаго намъ элемента пограничную полосу, а затѣмъ уже перейти на внутреннія губерніи.

IV.

О н ѣ м е ч е н і е .

Нѣмцы, приносящіе съ собою въ Россію, кромѣ знаній и труда, солидные запасы денежныхъ средствъ и пользующіеся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ финансовою поддержкою своей родины, вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и стремленіе обращать всякую занимаемую ими землю въ часть своего Vaterland'a Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, гдѣ источникъ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми располагаютъ колонисты и кѣмъ доставляются имъ такія средства,—все это наводитъ на разные размышленія: но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что каждое пріобрѣтенное нѣмцами и заселенное колонистами имѣніе становится неудобнымъ для русскихъ людей, которымъ

трудно бороться съ нѣмцами не только потому, что эти пришельцы богаче знаніями и трудолюбіемъ, но и потому, что они богаче деньгами,—однимъ словомъ наплывъ нѣмцевъ вытѣсняетъ туземную массу, къ которой они относятся по меньшей мѣрѣ пренебрежительно. Нѣмецкій землевладѣлецъ никогда не найметъ къ себѣ въ имѣніе русскихъ рабочихъ, хотя бы эти послѣдніе были и ближе и дешевле; онъ платитъ дороже и терпитъ недостатокъ въ рабочихъ, но за то у него въ имѣніи настоящее нѣмецкое царство: всѣ рабочіе нѣмцы, служащіе тоже, языкъ слышится только нѣмецкій и пр.

Все это привело къ тѣмъ крайне печальнымъ результатамъ, что на Волыни, преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе заселенныхъ нѣмцами, въ послѣдніе годы, благодаря отсутствію всякихъ заработковъ для туземной массы, начали развиваться отхожіе промыслы и даже эмиграція, что служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что нѣмецкая колонизація привела лишь къ обѣдненію края и вытѣсненію туземной массы. Но этого еще мало. По правилу „immer langsam voran“, нѣмцы все болѣе и болѣе подвигаются въ дѣлѣ заселенія нашихъ окраинъ. Въ послѣднее время, кромѣ захвата всевозможными и невозможными способами въ свои руки земель, нѣмцы стремятся къ тому, чтобы занять во всѣхъ частныхъ имѣніяхъ всѣ болѣе—менѣе выдающіяся, самостоятельныя должности, что имъ, къ сожалѣнію и удается. Уже теперь бросается въ глаза то печальное обстоятельство, что во многихъ польскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ имѣніяхъ на юго-западѣ Россіи и въ особенности на Волыни, всѣ высшіе служащіе, какъ-то управляющіе имѣніями, лѣсами, лѣсничье и т. п.— все это нѣмцы. Почти на всѣхъ сахарныхъ и другихъ заводахъ и фабрикахъ Волынской губерніи директорами, мастерами и пр. состоятъ нѣмцы. Указанное обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что нѣмцы, какъ я замѣтилъ уже выше, занимаютъ по преимущест-

ву выпія, самостоятельныя должности, имѣющія вліяніе на мѣстное населеніе, ибо это послѣднее находится въ извѣстной долѣ подчиненности къ этимъ иностранцамъ; такъ какъ мѣстное населеніе стоитъ въ зависимости отъ зарботковъ, а эти послѣдніе сосредоточены главнымъ образомъ въ рукахъ нѣмцевъ, служащихъ въ частныхъ имѣніяхъ,—то оно должно переносить отъ этихъ нѣмцевъ все. Нѣмецкіе колонисты, съ самаго момента своего поселенія въ краѣ, держатъ голову очень высоко, по всей вѣроятности, выше, чѣмъ въ собственномъ „фатерландѣ“; они относятся съ высокобріемъ и враждебностью не только къ окружающей ихъ средѣ, но не рѣдко къ русскому закону и русской власти. Глядя на поведеніе нѣмцевъ, можно подумать, что они проникнуты сознаніемъ, что за спиной у нихъ находится сила, что сами они не случайные переселенцы, а покорныя орудія строго организованной, послѣдовательной пропаганды. Стремленіе нѣмцевъ къ онѣмечиванію населяемыхъ ими русскихъ мѣстностей—это одна изъ самыхъ возмутительныхъ сторонъ нѣмецкой колонизаціи; они, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что наши западныя окраины такія же, хотя и мирно, но тѣмъ не менѣе все-таки завоеванныя ими провинціи, какъ Эльзась и Лотарингія, гдѣ они могутъ распоряжаться, какъ имъ заблагоразсудится...

Еще въ началѣ 1870 годовъ высшею администраціей Юго-западнаго края было замѣчено, что поселившіеся у насъ нѣмецкіе выходцы уклоняются отъ русскаго подданства, упорно сохраняютъ свою національную обособленность и, причисляя себя къ высшей культурной расѣ, съ презрѣніемъ относятся къ туземному русскому населенію. Водворившіеся здѣсь поселенцы даже чрезъ нѣсколько поколѣній остаются фанатически преданными сынами Германіи, совершенно не дорожащими интересами страны, давшей имъ пріютъ и благосостояніе; они

не только игнорируютъ мѣстную власть, но стремятся стать въ независимое отъ нея положеніе, обращаясь въ случаѣ столкновенія съ мѣстными жителями за помощью не къ мѣстнымъ властямъ, а къ дипломатическимъ агентамъ Германіи. Кромѣ всего этого, высшей администраціей края было замѣчено, что нѣмцы, вполнѣ сохраняя свою національность и всегда и вездѣ оставаясь вѣрными самимъ себѣ, крѣпко удерживаютъ за собой разъ занятую ими землю, обращая такимъ образомъ колонизацію въ средство мирнаго и послѣдовательнаго завоеванія нашихъ окраинъ. Повторяю, все это было замѣчено высшей администраціей юго-западнаго края, еще въ началѣ 1870-хъ годовъ, т. е. болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, когда число нѣмецкихъ поселенцевъ на Волыни не превышало 40,000 человекъ. Представьте же себѣ, что происходитъ здѣсь въ настоящее время, когда число нѣмецкихъ поселенцевъ болѣе чѣмъ упятирилось и достигло громадной цифры—почти четверти милліона человекъ, во владѣніи и пользованіи которыхъ находится болѣе полумилліона десятинъ земли! Цифры эти особенно неутѣшительны уже потому, что эти громадныя пространства земли навсегда изъяты изъ земельныхъ ресурсовъ кореннаго населенія.

Прибывающіе въ юго-западныя губерніи изъ-за гран и цы и Привислянскаго края нѣмцы образуютъ особыя поселенія—колоніи, устраиваемыя ими большею частью среди лѣсовъ, вдали отъ селеній, что вмѣстѣ съ крайней обособленностью поселенцевъ и совершеннымъ незнаніемъ ими русскаго языка, дѣлаетъ крайне затруднительнымъ надзоръ за ними, вслѣдствіе чего никакого надзора за нѣмецкими поселенцами почти не существуетъ. Сношенія съ ними полицейскихъ чиновниковъ бывають только въ случаяхъ крайней необходимости и то чрезъ шульцевъ (сотскіе въ нѣмецкихъ колоніяхъ), шульцы эти, хотя и избираются ежегодно колонистами изъ своей среды, но въ

должности нѣмцѣмъ не утверждаются *) и слѣдовательно отвѣтственности за свои дѣйствія нести не могутъ. Помѣщикамъ, отдающимъ свои земли колонистамъ, зачастую приходится претерпѣвать различныя неприятности и, чтобы очистить свою землю отъ нѣмцевъ, всегда приходится прибѣгать къ суду, ибо рѣдко какой нѣмецъ согласится очистить землю добровольно. При выселеніи нѣмцевъ по судебнымъ приговорамъ они часто оказываютъ сопротивленіе, подчасъ довольно серьезное, какъ это было, на примѣръ, въ колоніяхъ Ляговицы, Бубны, Криничка и многихъ другихъ; нерѣдко приходится даже прибѣгать къ вооруженной силѣ. Не мало есть на Волыни громаднхъ дѣсныхъ и земельныхъ пространствъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, купленныхъ нѣмцами со спеціальною цѣлью (вѣроятно и на спеціальныя средства) заселенія ихъ своими соотечественниками; нѣкоторые изъ такихъ крупнхъ колонистовъ (!) образовали различныя промышленныя предпріятія и провели къ своимъ громаднымъ колоніямъ на свой счетъ желѣзныя дороги; къ числу такихъ вредныхъ рассадниковъ германизма принадлежатъ владѣнія Рау и Копп. въ Ровенскомъ уѣздѣ, Вильгельма Кене въ Дубенскомъ, Пенкали въ Кременецкомъ и многихъ другихъ. Всѣ подобныя владѣнія иностранцевъ ведутъ лишь къ страшному наплыву нѣмцевъ и служатъ источникомъ германизаціи края. До какой степени прочно водворилась на Волыни нѣмецкая колонизація, можно судить потому, что въ послѣдніе 10—15 лѣтъ нѣмецкими поселенцами въ Волынской губерніи образовано болѣе 830 отдѣльныхъ поселеній (колоній), населенныхъ исключительно нѣмцами и расположенныхъ преимущественно въ пограничныхъ и сосѣднихъ съ ними уѣздахъ. Бу

*) Исключеніе составляетъ одинъ только Луцкій уѣздъ, гдѣ шульцы приводятся даже къ присягѣ.

колоніи носятъ чуждыя русскому языку наименованія: многія изъ нихъ извѣстны среди окрестнаго населенія подъ русскими названіями, но нѣмцы назвали ихъ по своему и эти нѣмецкія наименованія присвоены имъ въ *официальныхъ документахъ*. Какъ все это произошло и какимъ образомъ удалось нѣмцамъ добиться официального наименованія своихъ колоній по нѣмецки—трудно постигнуть, но тѣмъ не менѣе это фактъ. Чтобы не оставлять читателя въ сомнѣніи, я перечислю нѣмецкія поселенія на Воляни, носящія въ официальныхъ документахъ нѣмецкія названія: Визендорфъ, Визенталь, Визенбургъ, Гликсталь, Гринфельдъ, Гривталь, Елизаветтъ, Зангесталь, Клименталь, Краузендорфъ, Найдорфъ, Наталіендорфъ, Фризендорфъ, Фриденсталь, Фридендорфъ, Шрагдорфъ, Шендорфъ,— всѣ въ Новоградъ-Волинскомъ уѣздѣ; Генріетта, Амелинъ—въ Ровенскомъ; Кавиксдорфъ, Либенштадтъ—въ Луцкомъ; Блюменталь, Маріендорфъ, Оскенборгъ—въ Житомирскомъ; Готфридъ—въ Острожскомъ; Катербургъ—въ Кренимецкомъ; Маріенбадъ—во Владиміръ-Волинскомъ; Кенебергъ—въ Дубенскомъ; Альбертъ-Саръ, Гринвальдъ, Маріенполь, Юстлибургъ—въ Овручскомъ и пр. и пр.; можно бы привести сотни такихъ названій, но и этого, я полагаю, довольно, чтобы убѣдиться до какой степени онѣмечилась уже Волянь; вѣдь читая этотъ перечень трудно повѣрить, что это перечень поселеній въ одной изъ русскихъ губерній, а не въ германской провинціи..... Повторяю, что почти всѣ перечисленныя нѣмецкія поселенія имѣютъ русскія наименованія, такъ напримѣръ, Глюксталь среди туземнаго населенія извѣстно подъ названіемъ Бубны, Найдорфъ—Косякъ, Гринфельдъ—Курганы и т. п., но въ официальныхъ документахъ всѣ они еще въ прошломъ году значились подъ нѣмецкими наименованіями... Если кто изъ читателей усумнится въ дѣйствительности этого по истинѣ маловѣроятнаго факта,—то такому мы рекомендуемъ обра-

таться за справкой въ издающуюся ежегодно въ Житомирѣ „Памятную книжку Волынской губерніи“. Свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ этой книжкѣ, можно довѣрять вполне, ибо она издается Волынскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ; въ ней вы найдете подробный перечень всѣхъ нѣмецкихъ поселеній съ нѣмецкими наименованіями, *) читая который дѣйствительно можно усумниться: перечень ли это поселеній въ русской губерніи или германской провинціи?.. Это, такъ сказать, только внѣшняя нѣмецкая окраска Волыни, но нѣмцы позаботились и объ общемъ онѣмеченіи. Такъ, на примѣръ, уже очень многіе крестьяне на Волыни и въ Привислянскомъ краѣ совершенно свободно изъясняются съ нѣмцами по-нѣмецки. Учатся крестьяне нѣмецкому языку съ большой охотой, во первыхъ, потому, что въ сношеніяхъ съ нѣмцами (эти сношенія часто бываютъ необходимы) они *должны* говорить по нѣмецки, ибо по русски нѣмцы не знаютъ, не понимаютъ и не хотятъ учиться, а во вторыхъ, потому что крестьяне, не знающіе нѣмецкаго языка и въ сношеніяхъ съ нѣмцами говорящіе по русски, подвергаются со стороны послѣднихъ различнымъ насмѣшкамъ. Объ евреяхъ мы уже и не говоримъ, ибо извѣстно, что нѣмецкій и еврейскій жаргонъ очень сходны, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ евреи на юго-западѣ Россіи изъясняются съ нѣмцами по нѣмецки. Нѣмцы, однако, далеко недовольствуются тѣмъ, что *нѣкоторые* крестьяне въ юго-западныхъ губерніяхъ, такъ сказать, добровольно выучиваются говорить по нѣмецки; имъ хочется по возможности онѣмечить туземное населеніе и, что крайне печально, это хотѣніе ихъ быстро осуществляется. Для этой цѣли нѣмцами, между многими другими, практикуется и практикуется въ весьма

*) „Памятная книжка Волынской губерніи на 1889 годъ. Житомиръ 1888.

широких размѣрахъ, слѣдующій способъ: каждый нѣмецъ беретъ къ себѣ яко-бы въ услуженіе одного или двухъ крестьянскихъ мальчиковъ отъ 7 до 10 лѣтъ и принимается за ихъ онѣмеченіе; воспрещая дѣтямъ говорить на своемъ родномъ языкѣ, онъ заставляетъ его изучать нѣмецкій, запрещаетъ ходить въ церковь, смущаетъ ихъ религіозныя вѣрованія (штунда), однимъ словомъ дѣлаетъ изъ мальчиковъ не только нѣмцевъ, но и почти что лютеранъ. Понятно, что съ 7—8 лѣтнимъ ребенкомъ сдѣлать все это очень легко и въ 2—3 года крестьянскій мальчикъ дѣлается положительно не узнаваемъ: забываетъ свой родной языкъ, принимая нѣмецкій и отстаётъ отъ своей вѣры, дѣлаясь штундистомъ; когда это грустное превращеніе произошло—мальчики отправляются домой, а на ихъ мѣсто берутся новые и т. д. Такимъ образомъ происходитъ быстрое онѣмечиваніе туземной массы и развитіе штунды. Говоря объ онѣмечиваніи туземной массы, нельзя не отмѣтить слѣдующаго явленія: польскій элементъ (шляхта), который, какъ извѣстно, составляетъ въ юго-западной Россіи весьма значительную часть населенія (до 15 и болѣе 0/0), какъ намъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, пришлось убѣдиться въ этомъ, выказываетъ замѣчательное стремленіе къ сближенію съ нѣмцами и германизаци; всѣ дѣти бывшей польской шляхты воспитываются не въ русскихъ народныхъ и др. училищахъ, а въ нѣмецкихъ школахъ, гдѣ они составляютъ до 10% общаго числа учащихся и гдѣ, какъ извѣстно, все преподаваніе производится по нѣмецкимъ книгамъ и исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Результаты всего этого весьма понятны: поляки въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ десятки лѣтъ ни на одну іоту не поддающіеся обрусѣнію,—весьма быстро въ послѣднее время онѣмечиваются и тѣмъ совершенно отрекаются, не говоримъ уже отъ Россіи, но отъ славянства. Все это происходитъ въ то время, когда нѣмцы, живя десятки

лѣтъ въ Россіи, не выучиваются ни одному русскому слову. Незнаніе нѣмцами русскаго языка дѣлаеть сношенія съ ними мѣстной администраціи совершенно невозможными или крайне затруднительными. Вотъ, на примѣръ, сценка, очевидцами которой мы были сами.

Становой приставъ пріѣхалъ въ колонію Криничку (Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи), чтобы произвести дознаніе по поводу случившагося тамъ пожара.

— Людвигъ Лыкъ, гдѣ вы были въ то время, когда начался пожаръ? спрашиваетъ онъ у колониста, на котораго былъ заявленъ поджогъ. Лыкъ только мотаеть головой и не отвѣчаетъ. Приставъ повторяеть вопросъ, — тоже самое. Оказывается, что онъ ничего не понимаетъ и не говоритъ по русски.

— Сколько же лѣтъ живете вы здѣсь? спрашиваетъ онъ чрезъ переводчика.

— Двѣнадцать.

— А прежде гдѣ жили?

— Въ Ломжинской губерніи жилъ пять лѣтъ.

И такъ, нѣмецъ, прожившій въ Россіи семнадцать лѣтъ, оказывается не только не говорящимъ, но и ничего не понимающимъ по-русски, а между тѣмъ онъ русскій подданный!... Но не только полиція, даже суды, вслучаѣ разбора дѣлъ о нѣмецкихъ колонистахъ, вынуждены прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Все это какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ нѣмецкой колонизаціи.

Двадцать лѣтъ тому назадъ нѣмецкій экономистъ Ромеръ доказывалъ, что славянскія земли „раньше или позже должны сдѣлаться достояніемъ великаго германскаго народа“. Прошло только двадцать лѣтъ и... слова Ромера начинаютъ подтверждаться фактами: болѣе десяти русскихъ губерній мало-помалу начинаютъ колонизироваться нѣмцами и дѣлаются такимъ образомъ отчасти „достояніемъ великаго германскаго

народа“... Нѣмецкая колонизація уже не ограничивается одной экономической сферой,—нѣтъ: она вступила на почву настоящей культурной борьбы въ области наиболѣе дорогихъ интересовъ—народности и религіи. Нѣмцы не только не желаютъ ассимилироваться съ туземнымъ населеніемъ, но стремятся къ онѣмеченію этого послѣдняго и посягаютъ даже на православную вѣру. У насъ, на примѣръ, дѣйствуетъ законъ, по которому дѣти отъ, такъ называемыхъ, смѣшанныхъ браковъ, т. е. браковъ лицъ православнаго исповѣданія съ иновѣрцами, должны исповѣдывать православную вѣру. Такіе браки, казалось бы, должны приводить къ обрусѣнію, на самомъ же дѣлѣ брачныя связи нѣмцевъ съ русскими не только не приводятъ къ обрусѣнію, а, напротивъ, ведутъ къ онѣмеченію. Намъ приходилось встрѣчать массу такихъ дѣтей, которыя, считаясь православными (отъ русской матери и нѣмца отца или на оборотъ), достигаютъ зрѣлаго возраста, не умѣя произнести правильно ни одного русскаго слова и не зная ни одной даже первоначальной молитвы, но въ тоже время совершенно свободно изъяснялись по нѣмецки; эти дѣти православнаго исповѣданія обучаются грамотѣ въ нѣмецкихъ школахъ, т. е. только нѣмецкой, объ русской же грамотѣ не смѣютъ даже и мечтать. Нѣмецкіе члены брачнаго союза (смѣшаннаго) воспрещаютъ своимъ православнымъ дѣтямъ говорить по русски, посѣщать церковь, водятъ съ собой въ кирки, приучаютъ ихъ къ исполненію лютеранскихъ уставовъ касательно исповѣди, праздниковъ, постовъ и вообще, если и не увлекаютъ дѣтей къ исповѣдываемому ими ученію до степени совершеннаго отчужденія отъ православія, то, по меньшей мѣрѣ, ставятъ ихъ въ какое-то жалкое, неопредѣленное отношеніе къ обоимъ вѣроисповѣданіямъ. Что выходитъ изъ этихъ несчастныхъ дѣтей—понятно для каждаго; изъ нихъ выходитъ то же, что выходитъ изъ тѣхъ крестьянскихъ мальчиковъ, которые попа-

даютъ въ „услуженіе“ къ нѣмцамъ и о которыхъ мы говорили выше, т. е. полунѣмцы, полулютеране. Тоже, если еще не худшее, происходятъ съ русскими женщинами, выходящими замужъ за нѣмцевъ; эти женщины чрезъ три, много четыре года послѣ свадьбы превращаются въ совершенныхъ нѣмокъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и теряютъ все, что въ нихъ было русскаго, православнаго, забывая даже свой родной языкъ. Да и есть ли въ этомъ что нибудь удивительнаго? Вѣдь русская женщина, выходящая замужъ за нѣмца, на всегда поселяется въ нѣмецкой колоніи, гдѣ и по близости даже нѣтъ ни одной русской души и гдѣ ее преслѣдуютъ за каждое даже случайно произнесенное русское слово. Понятно, что она *должна* перенять отъ окружающихъ ее нѣмцевъ языкъ, обычаи, привычки и пр., — однимъ словомъ, она должна сдѣлаться нѣмкой и если не сдѣлаться лютеранкой, то, во всякомъ случаѣ, забыть свою вѣру и не исповѣдывать никакой. Намъ извѣстно не мало даже такихъ случаевъ, когда нѣмцы посылали своихъ русскихъ женъ въ Прибалтійскій край, дабы обойти существующій или существовавшій у насъ законъ и родившееся тамъ дитя приписать къ вѣроисповѣданію отца, т. е. лютеранскому. Такой способъ практикуется преимущественно между, такъ называемой, нѣмецкой интеллигенціей и служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ нѣмцы уважаютъ русскіе законы... Подобное вторженіе въ религіозную сферу и нарушеніе ограждающихъ религію государственныхъ законовъ не должно быть терпимо нигдѣ въ Россіи, но въ Западномъ краѣ, гдѣ до сихъ поръ еще русская народность и православіе должны вести борьбу съ тайной интригой ксендзовъ, — оно представляется наиболѣе опаснымъ.

Наводняя нашъ юго-западъ, нѣмцы стремятся все захватить въ свои руки; гдѣ можно скупать земли — они скупаютъ, гдѣ нельзя, т. е. гдѣ помѣщики не склоняются къ продажѣ

своихъ имѣній, — тамъ нѣмцы являются въ видѣ арендаторовъ, управляющихъ имѣніями, заводами, фабриками, наконецъ, въ видѣ кельнеровъ, трегеровъ и пр., нерѣдко называя себя курляндцами, латышами, и даже чехами (такіе „чехи“, разумѣется, ничего общаго съ волынскими чехами — колонистами не имѣютъ). Въ послѣднее время нѣмцы проникли и захватили въ свои руки даже общественныя учрежденія; такъ, напримѣръ, уже теперь въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ особенности на Волыни старостами въ большей части мѣщанскихъ управъ состоятъ нѣмцы, которые всѣми силами поддерживаютъ своихъ соотечественниковъ и притѣсняютъ не нѣмцевъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какую силу имѣютъ на нашемъ юго-западѣ нѣмцы и до чего доходить ихъ нахальство, мы приведемъ слѣдующій фактъ.

Какъ извѣстно, Высочайше утвержденное 9 іюня 1886 года „Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ“ относится исключительно къ сельскимъ чиншевикамъ, послѣдними-же, по смыслу ст. 1 общаго положенія о чиншевикахъ, считаются лица „всякаго сословія и вѣроисповѣданія, состоящія въ русскомъ подданствѣ и при томъ владѣющія *внѣ городовъ и мѣстечекъ* земельными участками на правѣ потомственного безсрочнаго пользованія“. Согласно этому закону, почти всѣ нѣмцы въ юго-западныхъ губерніяхъ, арендующіе у помѣщиковъ земли, начали домогаться признанія ихъ вѣчными чиншевиками и выкупа, другими словами, нѣмцы начали ходатайствовать о томъ, чтобы русское правительство выкупило арендуемыя ими земли (выкупъ чиншевиковъ, какъ извѣстно, производится при помощи казенныхъ субсидій) и тѣмъ бы помогло имъ закрѣпить свое пребываніе въ пограничныхъ губерніяхъ на вѣчныя времена. Такое-же желаніе розымѣли даже и такіе нѣмцы, напримѣръ, живущіе въ городахъ и мѣ-

стечкахъ, на которыхъ помянутый законъ никоимъ образомъ распространяться не можетъ, но нѣмцы народъ крайне настойчивый; они захотѣли воспользоваться чиншевымъ закономъ для своихъ цѣлей и... чуть было не воспользовались. Вотъ примѣръ нѣмецкихъ происковъ.

Въ Ровенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи есть владѣльческое мѣстечко Тучинь, которое дѣлится на двѣ части: Ново-Тучинь, населенный исключительно евреями, и Старо-Тучинь, населенный евреями, бывшей польской шляхтой и нѣмцами, поселившимися тамъ около 20 лѣтъ тому назадъ на владѣльческой землѣ. Съ незапамятныхъ временъ и до 1 Января 1888 года обѣ части этаго поселенія считались мѣстечкомъ и облагались городскимъ налогомъ. Но вотъ когда вышелъ законъ о сельскихъ чиншевикахъ, проживающіе въ м. Тучинѣ нѣмцы зашевелились и начали изыскивать средства, дабы подойти подъ законъ и быть выкупленными, какъ сельскіе чиншевики. Понятно, что для нѣмцевъ, выдумавшихъ обезьяну, придумать такое средство-лазейку не представляло большой трудности. Прошелъ годъ и, къ великому удивленію всего мѣстнаго общества, старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ: нѣмцы сѣумѣли обойти русскій законъ! Ихъ признали живущими внѣ мѣстечка, т. е. мѣстечко признали не мѣстечкомъ (!)—и причисленными къ мѣстечку яко бы по ошибкѣ (?) Тучинской мѣщанской управы. Какъ же все это могло случиться? спросать насъ. Да очень просто. Дѣло въ томъ, что Тучинскимъ мѣщанскимъ старостой состоитъ нѣмецъ, да и почти весь составъ управы—нѣмцы, которые и сострапали формальное удостоеніе, что всѣ живущіе въ мѣстечкѣ Тучинѣ нѣмцы считаются жителями мѣстечка Тучина только по ошибкѣ (!!), потому ихъ-де нужно признавать сельскими чиншевиками. Такимъ образомъ мѣстечковые чиншевики—нѣмцы, усадьбы которыхъ въ теченіи двадцати лѣтъ облагались Новоградъ-Во-

лынскою думою городскимъ налогомъ, какъ-бы по шучьему велѣнію, оказались сельскими чиншевиками, а м. Тучинъ, по нѣмецкой прихоти, очутилось въ какомъ-то курьезномъ положеніи, а именно: усадьбы, принадлежація евреямъ и бывшей польской шляхтѣ и находящіяся на однѣхъ и тѣхъ-же улицахъ, даже на одной и той же сторонѣ, по сосѣдству съ нѣмецкими усадьбами, считаются мѣстечкомъ и облагаются городскимъ налогомъ, между тѣмъ какъ нѣмецкія усадьбы, разбросанныя между первыми, съ 1888 года признаны не мѣстечкомъ и отъ налога освобождены, а владѣльцы ихъ возбудили свои ходатайства о выкупѣ ихъ, какъ сельскихъ чиншевиговъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ это дѣло не вмѣшался мѣстный помѣщикъ, вслѣдствіе жалобы котораго описаннымъ нѣмецкимъ проискомъ не суждено было увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, ибо чрезъ два года нѣмецкія усадьбы снова были признаны находящимися въ мѣстечкѣ. Но достаточно и того, что нѣмцы до того уже укрѣпились у насъ что нашли возможность провести нѣсколько должностныхъ лицъ и учрежденій, отъ которыхъ зависитъ признаніе мѣстечка не мѣстечкомъ, и чуть было не достигли своихъ корыстныхъ цѣлей. Да и кто при этомъ поручится, что рассказанный случай—есть единственный? Напротивъ, мы имѣемъ довольно вѣскія причины утверждать, что это случай далеко не единственный, но другіе подобные ему случаи остались никѣмъ не замѣченными и, вѣроятно, доведенными до конца.

Какъ бы тамъ ни было, но приведенный фактъ весьма характеренъ: нѣмцы, видите-ли, не настолько дальновидны, какъ увѣряютъ нѣкоторые столичные публицисты, чтобы вести колонизацію нашихъ окраинъ для политическихъ цѣлей; они не обладаютъ способностью усвоить, даже въ самое продолжительное время, русскій языкъ; они, наконецъ, въ десятки лѣтъ не могутъ свыкнуться съ русскими порядками, обычаями и

пр.,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они, какъ оказывается, настолько дальновидны, что знаютъ, когда имъ нужно знать русскіе законы и когда не нужно и обладаютъ прекрасными способностями обходить ихъ, дабы извлечь изъ этого для себя выгоду!...

И дѣйствительно, нѣмцы вотъ уже десятки лѣтъ пренебрегаютъ нашими законами, обходятъ ихъ, пользуются ими для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей и пр., и пр., а мы молчимъ и какъ бы боимся показать имъ, что Россія для русскихъ, а не для нѣмецкихъ колонистовъ.

V.

Нѣмецкія школы.

Народное образованіе въ нѣмецкихъ колоніяхъ поставлено очень высоко. Въ каждой болѣе или менѣе порядочной колоніи существуетъ школа, въ тѣхъ же колоніяхъ, гдѣ школъ нѣтъ, тамъ дѣти мѣстныхъ колонистовъ собираются къ одному изъ наиболѣе грамотныхъ колонистовъ и обучаются имъ нѣмецкой грамотѣ. Въ отношеніи грамотности нѣмцы, дѣйствительно, могли бы служить для насъ примѣромъ; въ теченіи трехъ слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ нами среди нѣмецкихъ колонистовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, намъ ни разу не приходилось встрѣчать колонистовъ, которые бы не знали грамоты, разумѣется нѣмецкой. Впрочемъ, при существующемъ обиліи нѣмецкихъ школъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; если-бы во всѣхъ русскихъ деревняхъ, такъ-же какъ въ нѣмецкихъ, были школы, то, нѣтъ сомнѣнія, что и грамотность среди русскаго населенія достигла бы вскорѣ того же уровня, на какомъ стоитъ она у нѣмцевъ. Но дѣло въ томъ, что у нѣмцевъ на юго-западѣ Россіи одна школа приходится на

шестьсотъ человекъ, тогда какъ для кореннаго населенія въ той же части Имперіи одна школа приходится на *пять съ половиною тысячъ* человекъ,—понятно послѣ этого, почему у нѣмцевъ поголовная грамотность, а у насъ почти поголовная неграмотность. Вотъ, для примѣра, данныя относительно народнаго образованія на Волыни: всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, въ этой губерніи находится 604, изъ коихъ учащихся обоего пола 30.472, что по отношенію къ общему населенію губерніи составляетъ около 1,5%. Изъ числа 604 учебныхъ заведеній въ Волынской губерніи, еврейскихъ училищъ 7, чешскихъ школъ 31, *русскихъ* 267 и *нѣмецкихъ*—299; изъ числа 30.472 учащихся, въ еврейскихъ школахъ обучается 587 человекъ, въ чешскихъ—1417, русскихъ—17,500 и нѣмецкихъ—10,909. Изъ приведенныхъ данныхъ (официальныхъ) *) видно, что *половина* всѣхъ министерскихъ учебныхъ заведеній на Волыни принадлежитъ *нѣмецкой національности* (это въ искони русской и притомъ еще пограничной губерніи!), тогда какъ нѣмцы въ этой губерніи составляютъ 10% общаго числа жителей. Но это только министерскихъ нѣмецкихъ школъ, т. е. такихъ школъ, которыя на основаніи Высочайшаго указа 8 октября 1887 года, подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того въ каждой, даже самой незначительной нѣмецкой колоніи, какъ я упоминалъ уже въ началѣ настоящей главы, проживаетъ свой учитель, къ которому собираются дѣти мѣстныхъ колонистовъ и обучаются, разумѣется, только на нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкой грамотѣ. Такія маленькія школки, конечно, не могли войти въ счетъ при составленіи статистическихъ данныхъ уже по той простой причинѣ, что

*) Справочная книжка Кіевского Учебнаго Округа. Часть III. Волынская губернія. Кіевъ. 1889 г.

онѣ не считаются здѣсь за школы. Между тѣмъ это, хотя и маленькія, и тайныя, но тѣмъ не менѣе самыя настоящія нѣмецко-лютеранскія школы, на которыя должно быть обращено вниманіе, ибо онѣ съ русской точки зрѣнія гораздо вреднѣе тѣхъ большихъ школъ, относительно которыхъ состоялось распоряженіе о принятіи ихъ въ вѣдѣніе министерства. Какъ бы то ни было, рано или поздно, но въ этихъ школахъ, хотя бы только для формальности, будетъ введено преподаваніе русскаго языка, да и кромѣ того, школы эти, какъ считающіяся министерскими, могутъ посѣщаться инспекторами народныхъ училищъ, которые могутъ стараться о внесеніи въ нихъ русскаго духа, тогда какъ мелкія школы уже потому, что онѣ существуютъ тайно и не считаются за школы, всегда будутъ находиться въ исключительномъ вѣдѣніи нѣмецкихъ пасторовъ и учителей и навсегда останутся разсадниками германизациі окраинъ.

Такимъ образомъ, хотя по статистическимъ даннымъ и значится, что нѣмецкихъ школъ на Волыни 299, на самомъ же дѣлѣ число ихъ доходитъ до 400, а во всѣхъ юго западныхъ губерніяхъ до 500.

Преобладаніе нѣмецкихъ школъ надъ русскими въ пограничныхъ русскихъ губерніяхъ гораздо рельефнѣе обрисовывается, если сопоставить статистическія данныя относительно первыхъ и послѣднихъ по отдѣльнымъ уѣздамъ; такъ, на примѣръ, въ Житомирскомъ уѣздѣ *русскихъ* министерскихъ школъ 28, такихъ-же *нѣмецкихъ*—83, т. е. въ три раза болѣе; въ Новгородъ-Волынскомъ уѣздѣ: *русскихъ школъ* 22, *нѣмецкихъ*—71, въ Луцкомъ уѣздѣ: *русскихъ*—22, *нѣмецкихъ*—52, въ Ровенскомъ уѣздѣ: *русскихъ школъ* 15, *нѣмецкихъ*—32 и т. д. Обстоятельство это наглядно доказываетъ то систематическое и быстрое онѣмечиваніе, которому подверглись наши окраины въ небольшой сравнительно промежутокъ времени—всего въ

какихъ нибудь 15—20 лѣтъ. Еще въ шестидесятыхъ годахъ о нѣмецкихъ школахъ въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ не было и помина, а въ семидесятыхъ годахъ ихъ было еще настолько немного, что всѣхъ ихъ легко было перечесть. И вотъ чрезъ какой-либо десятокъ—полтора лѣтъ, нѣмецкія школы въ пограничныхъ губерніяхъ считаются уже сотнями, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число ихъ въ два и три раза превышаетъ число русскихъ школъ. Все это по меньшей мѣрѣ, весьма странно; почему, напримѣръ, поляки, число которыхъ въ Юго-западномъ краѣ гораздо болѣе, чѣмъ нѣмцевъ, не имѣютъ своихъ школъ, а пришлецы-нѣмцы имѣютъ ихъ болѣе, чѣмъ коренное русское населеніе? Развѣ нѣмцы заслужили, чтобы имъ предоставлялись съ нашей стороны такія привилегіи, которыя они при томъ еще употребляютъ во зло намъ? Нѣтъ, нѣмцы, враждебно къ намъ расположенные, ничего этого не заслужили, да и никакихъ привилегій мы имъ не предоставляли; все чѣмъ они у насъ пользуются, какъ равно и самое пребываніе ихъ у насъ, добыто ихъ собственнымъ нахальствомъ, мы же повинны только въ томъ, что не рѣшаемся сразу положить конецъ всѣмъ нѣмецкимъ проискамъ и познакомить ихъ съ русской пословицей: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся“...

Вопросъ о нѣмецкихъ школахъ—это вопіющій вопросъ. Несмотря на то, что еще съ 1887 года всѣ нѣмецкія школы въ юго-западныхъ губерніяхъ подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и обязаны все преподаваніе, кромѣ закона Божія, вести на государственномъ русскомъ языкѣ,—онѣ до сихъ поръ продолжаютъ быть разсадниками германизма и воспитываютъ враждебныхъ намъ членовъ общества. Не говоря уже о томъ, что все преподаваніе въ нихъ ведется исключительно на нѣмецкомъ языкѣ,—русскій языкъ въ нѣмецкихъ школахъ строго игнорируется и по прежнему пре-

слѣдуется. Изъ нѣсколькихъ десятковъ посѣщенныхъ нами нѣмецкихъ школъ, намъ ни въ одной не случилось найти хотя бы какой нибудь русской книги; мало того, ни одинъ учитель не могъ объясняться съ нами по русски; даже журналы въ этихъ *министерскихъ* школахъ ведутся на нѣмецкомъ языкѣ и всѣ инструкціи для школъ отпечатаны по нѣмецки. Въ нѣсколькихъ школахъ намъ случилось найти польскія книги и учебники, но и тѣ были напечатаны нѣмецкимъ алфавитомъ; такія книги существуютъ для облегченія изученія нѣмецкаго языка польскимъ дѣтямъ, которыя, какъ мы уже выше сказали, воспитываются не въ русскихъ, а преимущественно въ нѣмецкихъ школахъ. Вообще говоря, въ нѣмецкихъ школахъ на юго-западѣ Россіи, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что это юго-западъ Россіи, а не центръ Германіи. Посѣщая эти школы и прислушиваясь къ производимому въ нихъ преподаванію, трудно, даже невозможно повѣрить, что это школы *русскаго* министерства народнаго просвѣщенія...; ни въ одной изъ нихъ намъ не пришлось видѣть портрета Государя Императора или кого либо изъ членовъ Императорской Фамиліи, но за то во многихъ школахъ мы замѣтили на видныхъ мѣстахъ портреты германскаго императора; ни одинъ изъ спрошенныхъ нами учениковъ не могъ отвѣтить намъ, какъ зовутъ Русскаго Императора, подданнымъ котораго онъ состоитъ, но за то всѣ безъ запинки отвѣчали, кто такой Бисмаркъ, сколько ему лѣтъ и пр.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о переходѣ нѣмецкихъ школъ въ вѣдѣніе министерства является какъ бы мертвою буквою... Всѣ нѣмецкія школы на юго-западѣ Россіи какъ были до 1887 года, такъ и въ настоящее время *de facto* продолжаютъ быть въ исключительномъ вѣдѣніи лютеранскихъ пасторовъ и все преподаваніе въ нихъ производится на нѣ-

мецкомъ языкѣ, русскій же не только игнорируется, но даже преслѣдуется.

Изъ сказаннаго нами должно стать понятнымъ, что нѣмецкія школы въ ихъ теперешнемъ видѣ не только не могутъ, но и не должны быть терпимы; необходимо немедленно изъять все школьное дѣло изъ вѣдѣнія нѣмецкихъ пасторовъ, въ какомъ онѣ de facto пребываютъ въ настоящее время и *дѣйствительно* передать ихъ, согласно Высочайшему повелѣнію 8 октября 1887 года, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; говоримъ *дѣйствительно передать*, ибо формально, *на бумагѣ*, онѣ переданы еще три года тому назадъ и съ 1887 года считаются министерскими, но на самомъ дѣлѣ, продолжая находиться въ исключительномъ вѣдѣніи лютеранскихъ пасторовъ, онѣ ни на одну іоту не измѣнили своего прежняго вида и вреднаго направленія. Мы должны или совершенно уничтожить существующую на юго-западѣ Россіи массу нѣмецкихъ школъ, или же, по меньшей мѣрѣ, подвергнуть ихъ коренному преобразованію, если можно такъ выразиться, перевернуть ихъ вверхъ ногами и дать имъ тотъ же видъ и направленіе, какія имѣютъ, хотя бы, на примѣръ, чешскія школы на Волыни. Сдѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣмецкія школы, въ ихъ настоящемъ видѣ, представляютъ изъ себя нѣчто вродѣ подготовительныхъ училищъ нѣмецкаго военнаго вѣдомства. Утверждать это мы имѣемъ полное право, ибо сотни разъ собственными глазами видѣли, какъ ученики нѣмецкихъ, школъ, выстроенные въ шеренги и имѣя на плечахъ, вмѣсто ружей, соотвѣтственной величины палки, дѣлали различныя построения, ружейные приемы, маршировали, и проч.—все это производится по нѣмецкой командѣ какого нибудь ландвериста.

— Что это такое? спрашиваете вы.

— А это урокъ *гимнастики*, — совершенно хладнокровно отвѣчаютъ вамъ.

— Часто вы занимаетесь „гимнастикой“? продолжаете вы распросы.

— Прежде занимались два часа въ недѣлю, а съ прошлаго года, когда обученіе дѣтей гимнастикѣ сдѣлалось обязательнымъ въ министерскихъ школахъ,—то три и четыре часа въ недѣлю.

И такъ, мы видимъ, что военныя упражненія въ нѣмецкихъ школахъ производятся въ настоящее время согласно прошлогоднему распоряженію министерства народнаго просвѣщенія о введеніи гимнастики въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, а слѣдовательно на законномъ основаніи. Но такую ли гимнастику вводило министерство и извѣстно ли ему, что разумѣютъ подъ словомъ „гимнастика“ нѣмецкіе учителя и пасторы?

Чтобы дать читателямъ полную характеристику нѣмецкихъ школъ на юго-западѣ Россіи, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о нѣмецкихъ учителяхъ. Не смотря на то, что нѣмецкія школы въ юго-западныхъ губерніяхъ уже три года считаются министерскими,—всѣ учителя въ нихъ нѣмцы и при томъ нѣмцы самыя чистокровныя, напрягающіе всѣ свои усилія къ тому, чтобы сохранить эту нѣмецкую чистокровность и у всѣхъ своихъ учениковъ; большая часть ихъ совершенно не знакома съ русскою рѣчью и многіе изъ нихъ даже не русскіе подданные. Само собой понятно послѣ этого, что представляютъ изъ себя нѣмецкія школы. вмѣсто того, чтобы обучать дѣтей, хотя бы только говорить на языкѣ того государства, въ которомъ они родились и живутъ; вмѣсто того, чтобы давать дѣтямъ правильныя понятія объ избранномъ ихъ родителями отечествѣ и объяснять имъ ихъ обязанности по отношенію къ этому отечеству, какъ гражданъ его; вмѣсто того, наконецъ, чтобы научить дѣтей уважать отечество, которому они обязаны всѣмъ своимъ благосостояніемъ и даже

существованіемъ, а также научить ихъ уважать власть и законы,—вмѣсто всего этого, нѣмецкія школы запрещаютъ дѣтямъ учиться русскому языку, вселяютъ имъ ложныя понятія о Россіи, развиваютъ въ нихъ неуваженіе и даже ненависть къ ней и пр., и пр., однимъ словомъ, стремятся къ тому, чтобы и потомки нынѣшнихъ колонистовъ въ Россіи были самыми заядлыми нѣмцами и яркими руссофобами. Результаты всего этого, конечно, весьма печальны, какъ для насъ, такъ и особенно для самихъ нѣмцевъ. Мы не требуемъ, да и нѣтъ надобности требовать, чтобы нѣмцы, переселяясь къ намъ, переставали быть нѣмцами и дѣлались русскими, но мы имѣемъ полное право и даже должны требовать, чтобы живущіе у насъ нѣмцы знали русскій языкъ, чтобы не воспитывали своихъ дѣтей во враждебномъ намъ духѣ, чтобы уважали наши законы и подчинялись имъ и, вообще, чтобы знали, что мы для нихъ не пѣшки и въ нихъ не нуждаемся, такъ какъ можемъ существовать и безъ нихъ. Причины, почему нѣмецкія школы на нашемъ юго-западѣ представляютъ изъ себя какіе-то разсадники германизма и воспитываютъ вредныхъ членовъ общества, заключаются отчасти въ насъ самихъ, ибо мы терпимъ все это, главнымъ же образомъ—въ учителяхъ. Посмотрите, что это за сбродъ!.. Не говоря уже о ихъ германскомъ подданствѣ и незнаніи русскаго языка; почти всѣ они безъ всякаго, даже высшаго образованія, еле умѣютъ читать и писать по нѣмецки, да знаютъ таблицу умноженія. Мы-бы, конечно, не удивлялись этому обстоятельству и даже не отмѣчали-бы его, если-бы нѣмецкія школы не считались министерскими, равными нашимъ народнымъ училищамъ. Почему, напримѣръ, въ русскихъ народныхъ училищахъ учителями состоятъ лица, выдержавшія установленный экзаменъ на званіе народнаго учителя, тогда какъ въ нѣмецкихъ народныхъ училищахъ, равныхъ русскимъ, состоятъ учителями люди еле гра-

мотные по нѣмецки и совершенно не грамотные по русски, т. е. такія лица, которыя, согласно дѣйствующимъ у насъ законамъ, не имѣютъ права быть учителями и учить дѣтей, а между тѣмъ они состоятъ учителями и учать, да еще въ министерскихъ школахъ!.. Что-же это такое? Зачѣмъ это допускается, терпится и проч.? Все это ничто иное, какъ результатъ нашей гуманности, ибо мы не хотимъ назначать въ нѣмецкія школы русскихъ учителей, учителей же изъ нѣмцевъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ, нѣтъ,—вотъ мы, въ ожиданіи пока они будутъ и терпимъ прежнихъ учителей. Но откуда же возьмутся учителя изъ нѣмцевъ? Объ этомъ министерство народнаго просвѣщенія позаботилось и разрѣшило съ прошлаго года приемъ дѣтей нѣмецкихъ колонистовъ въ городскія училища и учительскія семинаріи, приготовляющія народныхъ учителей; но дѣло въ томъ, что если даже нѣмцы теперь же начнутъ отдавать своихъ дѣтей въ поименованныя учебныя заведенія, то учителя въ нѣмецкія школы могутъ быть выпущены *minimum* чрезъ 7—8 лѣтъ. Что же будетъ съ нѣмецкими школами до того времени? Неужели въ нихъ еще 7—8 лѣтъ будутъ состоять учителями неграмотные колонисты и воспитывать враждебные намъ элементы?

По нашему крайнему убѣжденію, оставить это такъ нельзя; разъ нѣмецкія школы приняты въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, то они должны сдѣлаться министерскими теперь-же, а не чрезъ десять лѣтъ. Исходъ, по нашему мнѣнію, есть только одинъ: теперешніе учителя въ нѣмецкихъ школахъ должны *теперь-же* или выдержать экзамены на званіе народнаго учителя, или-же оставить свои мѣста. Если не кѣмъ ихъ замѣнить, то лучше закрыть на время школы, но отнюдь не оставлять ихъ въ теперешнемъ видѣ и съ теперешними учителями; тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно могутъ быть учителями, тѣ выдержать экзаменъ и бу-

дутъ ими, — остальныхъ же нужно удалить и или замѣнить ихъ русскими учителями, или школы закрыть, а дѣтей, конечно, если этого пожелаютъ ихъ родители, перевести въ русскія народныя училища. Такъ или иначе, но покончить съ этимъ дѣломъ необходимо....

VI.

Исторія и статистика.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе нѣмецкаго завоеванія, мы считаемъ необходимымъ привести подробныя статистическія и историческія данныя относительно нѣмецкой колонизаціи на юго западѣ Россіи. Въ предыдущихъ главахъ мы разобрали какъ характеръ нѣмецкой колонизаціи на нашемъ юго-западѣ, такъ и условія, которыми сопровождалась организація быта нѣмецкихъ колонистовъ на русской землѣ и обратили вниманіе на чрезмѣрную опасность наплыва нѣмецкихъ выходцевъ въ пограничныя уѣзды юго-западнаго края, — но въ этихъ статьяхъ мы почти не касались статистическихъ и совершенно не касались историческихъ данныхъ, указывающихъ, во первыхъ, на исторію возникновенія и постепеннаго развитія нѣмецкой колонизаціи, а во вторыхъ на численный составъ нѣмецкихъ поселенцевъ и на размѣръ земельной площади, занятой этими поселенцами какъ на правахъ полной собственности, такъ равно и на правахъ аренднаго владѣнія, — въ различные періоды текущаго столѣтія. Свѣдѣнія эти весьма интересны; они свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какъ быстро производилось и продолжаетъ производиться мирное завоеваніе, т. е. колонизація нашихъ окраинъ и какихъ тревожныхъ размѣровъ достигла эта „колонизація“ въ

настоящее время. Точныя цифровыя данныя относительно всего этого имѣютъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важное значеніе въ виду все болѣе и болѣе обнаруживающагося политическаго характера нѣмецкой эмиграціи въ наши юго-западные окраины, а потому мы и приведемъ ихъ со всѣми нужными подробностями.

Начало нѣмецкой колонизаціи на югѣ и юго-западѣ Россіи относится къ царствованію Императрицы Екатерины II, т. е. къ концу прошлаго столѣтія. Первый нѣмецкій колонистъ на юго-западѣ Россіи появился въ 1781 году, но до шестидесятихъ годовъ текущаго столѣтія нѣмцы переселялись къ намъ въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, не имѣвшихъ никакого не только политическаго, но и экономическаго значенія. Такъ въ восьмидесятилѣтній періодъ времени съ 1781 по 1861 г. г. въ три юго-западные губерніи—Кіевскую, Волинскую и Подольскую переселилось всего 13,025 нѣмцевъ, среднимъ числомъ по 162 человека въ годъ. Но съ шестидесятихъ годовъ движеніе нѣмецкихъ колонистовъ начинаетъ замѣтно усиливаться и къ половинѣ семидесятихъ годовъ достигаетъ уже до того большихъ размѣровъ, что въ 1875 году о сильномъ развитіи нѣмецкой колонизаціи въ Юго-западномъ краѣ былъ (впервые) возбужденъ вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Возбужденіе этого вопроса послужило для нѣмцевъ какъ-бы толчкомъ къ дальнѣйшему усиленію колонизаціи; начиная съ 1876 года и въ особенности со времени возникновенія пресловутаго австро-германскаго союза, т. е. съ 1879 года, послѣдность и напряженность нѣмецкой колонизаціи достигаетъ изумительныхъ и крайне опасныхъ размѣровъ, обращаясь уже въ систему мирнаго завоеванія нашихъ окраинъ и систематическаго овладѣнія нашими землями. Но и это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ съ 1882 года, когда нѣмцы начинаютъ переселяться къ намъ цѣлыми десятками

тысячъ семействъ ежегодно, а громадныя нѣмецкія колоніи почти сплошь покрываютъ пограничныя губерніи!... Съ этого времени нѣмецкій вопросъ становится общественнымъ вопросомъ; въ обсужденіи его участвуютъ литература (периодическая печать), администрація, земство и пр. Предпринимаются нѣкоторыя мѣры (напримѣръ, законы 14 марта 1887 г. и 15 іюня 1888 г.). Мѣры эти, по несчастію, оказываются пока малодѣйственными и нѣмецкій вопросъ до сихъ поръ остается вопросомъ.

Такимъ образомъ исторія нѣмецкой колонизаціи на юго-западѣ Россіи можетъ быть раздѣлена на три періода: первый періодъ обнимаетъ время съ 1861 по 1876 г., когда о нѣмецкой колонизаціи былъ впервые возбужденъ вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; второй періодъ обнимаетъ время съ 1876 по 1882 г., когда нѣмецкій вопросъ сталъ вопросомъ общественнымъ и когда начали вырабатываться мѣры къ ограниченію нѣмецкой колонизаціи и, наконецъ, третій періодъ исторіи нѣмецкой колонизаціи обнимаетъ собой время съ 1882 года и до настоящихъ дней, т. е. послѣдніе восемь лѣтъ, когда нѣмецкій вопросъ началъ обнаруживаться во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Такое дѣленіе исторіи нѣмецкой колонизаціи на юго-западѣ Россіи вполне оправдывается цифровыми данными и даетъ намъ возможность уразумѣть какъ ту строгую послѣдовательность и систематичность, съ которыми производилось и производится мирное завоеваніе, такъ и тѣ крупныя размѣры, какихъ достигла нѣмецкая колонизація въ послѣднее время.

Мы сказали уже, что до шестидесятыхъ годовъ движеніе нѣмецкихъ колонистовъ на юго-западѣ Россіи было весьма слабое, не имѣвшее ничего общаго съ той колонизаціей, которая началась съ 1861 года и продолжается непрерывно до настоящаго времени. Въ 1860 году нѣмцевъ въ Юго-западномъ краѣ было 13,025 человекъ; съ 1861 года начинается *насто-*

ящая колонизация нашего юго-запада и немцы переселяются туда уже не сотнями душ, какъ это было до 1861 года, а тысячами и десятками тысячъ ежегодно. Въ первый пятнадцатилѣтній періодъ исторіи немецкой колонизации, съ 1861 по 1876 годъ, переселилось немцевъ въ юго-западный край 40,121 человекъ, среднимъ числомъ переселялось ежегодно по 2675 человекъ, при чемъ въ одну только пограничную Волынскую губернію переселилось 31,470 немцевъ. Всего немецкихъ поселенцевъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, вновь переселившихся съ прежде тамъ бывшими къ 1876 году было 53,146 человекъ, изъ нихъ въ Волынской губерніи основалось 42,372 чел., что по отношенію къ общему населенію этой губерніи (2,100,000) составляло 2,01%. Изъ числа 53,146 немецкихъ поселенцевъ въ Юго-западномъ краѣ русскихъ подданныхъ къ 1876 году было всего 1788 человекъ, всѣ же остальные проживали тамъ въ качествѣ иностранцевъ, по паспортамъ. Земли во владѣніи и пользованіи немцевъ въ Юго-западномъ краѣ къ 1876 г. было 165,635 десятинъ, при чемъ въ одной только Волынской губерніи было 133,365 десятинъ, въ числѣ коихъ собственной 48,288 дес. и въ арендномъ владѣніи 85,077 десятинъ. По отношенію къ общему пространству Волыни (64,000 кв. вер.) немецкія земли въ 1875 году составляли 2,2%. Всѣ эти сравненія получаютъ совершенно иной смыслъ, если мы изъ общей массы населенія нашихъ пограничныхъ губерній исключимъ всѣ не русскіе элементы и сравнимъ число немецкихъ поселенцевъ съ числомъ только кореннаго русскаго населенія: такого населенія на Волыни было въ 1875 году 1,100 тыс., слѣдовательно немецкое населеніе въ этой губерніи по отношенію къ массѣ русскаго населенія составляло въ 1875 году 3,8%. Но еще правильнѣе будетъ, если мы сравнимъ число немцевъ съ числомъ общей массы крестьянскаго, т. е. земледѣльческаго населенія, ибо немцы, такъ же какъ и

крестьяне, занимаются почти исключительно земледѣіемъ,— тогда получимъ, что нѣмцы пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ общей массѣ сельскаго земледѣльческаго населенія Волыни (900,000) составляли 4,7%, т. е. немного менѣе двадцатой части. Сравнивая, наконецъ, нѣмецкія земли съ землями крестьянскими, видимъ, что первыя (133,365 дес.) по отношенію къ послѣднимъ (2,400,000 дес.) составляли въ 1875 году на Волыни 5,6%, т. е. на каждые восемнадцать десятинъ крестьянской земли приходилась одна—нѣмецкой.

Мы нарочно приводимъ столько сравненій и процентныхъ отношеній, чтобы дать читателямъ правильное понятіе объ опасности, которая угрожаетъ нашимъ Юго-западнымъ окраинамъ отъ чрезмѣрнаго развитія нѣмецкой колонизаціи. Если бы мы приводили процентныя отношенія только по отношенію къ общему населенію губерній, то мы находились бы въ большомъ заблужденіи, ибо большую часть населенія какъ Волынской, гдѣ сосредоточена главная масса нѣмецкихъ поселенцевъ, такъ и вообще всѣхъ пограничныхъ губерній Западнаго, (напримѣръ, Подольской, Ковенской) и Привислянскаго (Сувальской, Плодской, Петроковской) края составляютъ чуждые намъ элементы. Положимъ, что изъ только что приведенныхъ нами цифръ относительно Волыни и вообще юго-западныхъ губерній никакой опасности усмотрѣть еще нельзя, но онѣ показываютъ намъ какъ быстро наводняли нѣмцы наши окраины и овладѣвали ихъ землями. Если бы Волынь не была пограничною губерніей и не отличалась бы при томъ пестротой своего населенія, то тогда-бы, конечно, совершенно не требовалось бы столькихъ цифръ и сравненій, но въ томъ-то и горе, что Волынь, какъ и всѣ прочія юго и сѣверо-западные губернии, отличается замѣчательной разношерстностью и пестротой своего населенія (русскіе, поляки, евреи, чехи, татары, венгры

и пр.) и содержит весьма небольшой сравнительно процентъ русскихъ, что вмѣстѣ съ географическимъ положеніемъ ея дѣлаетъ ее довольно неблагонадежной въ политическомъ отношеніи, а потому нѣмецкій вопросъ имѣетъ тамъ особенно важное значеніе. Вотъ почему на Волынскую губернію мы обращаемъ особенное вниманіе; приводимъ возможно подробныя статистическія данныя относительно нѣмецкой колонизаціи и дѣлаемъ всѣ сравненія по отношенію какъ къ общей массѣ населенія, такъ и къ коренному, настоящему русскому, населенію. Относительно же прочихъ юго-западныхъ губерній мы приводимъ менѣе подробныя данныя потому, что нѣмецкая колонизація въ нихъ не достигла еще тѣхъ крайне опасныхъ размѣровъ, какіе мы видимъ на Волыни. Какъ сказано было уже выше возбужденіе въ 1875 г. вопроса о чрезмѣрномъ наплывѣ нѣмецкихъ колонистовъ въ Юго-западный край послужило для нѣмцевъ какъ бы толчкомъ къ усиленію колонизаціи, которая съ этого времени принимаетъ уже характеръ мирнаго завоеванія нашихъ окраинъ и систематическаго овладѣнія ихъ землями. Причины, почему возбужденіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ называемаго, нѣмецкаго вопроса заставило нѣмцевъ удесятерить свои усердіе и поспѣшность въ дѣлѣ заселенія нашихъ юго-западныхъ окраинъ,— весьма понятны. Руководители колонистскимъ движеніемъ поняли, что русское правительство замѣтило всѣ ихъ происки и боялись, что результатомъ этого явятся мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго нашествія и захвата земель. Признаться, мы, да и всѣ, кто былъ знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, были того же мнѣнія и не только предполагали, но и были увѣрены въ томъ, что будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы нѣмецкіе эмигранты направлялись не въ пограничныя губерніи, а немного подальше. Это еще въ то время, т. е. пятнадцать лѣтъ тому назадъ, являлось естественнымъ и даже необходимымъ

шагомъ съ нашей стороны. Понятно поэтому, что нѣмцы, ожидая съ нашей стороны обороны, употребили все свое нѣмецкое упорство къ тому, что-бы успѣть докончить начатое ими дѣло мирнаго овладѣнія русскими пограничными губерніями до тѣхъ поръ, пока мы успѣемъ, такъ сказать, опомниться, раскусить всю суть дѣла и выработать мѣры къ прекращенію этого возмутительнаго посягательства на чужую собственность. Дѣйствительно, нѣмцы умѣло и, главное, замѣчательно быстро повели дѣло и ловко съумѣли воспользоваться нашими ошибками. Пока мы разсуждали, спорили и обдумывали значеніе нѣмецкой колонизаціи—нѣмцы наводняли наши юго-западные окраины. Разсужденія и обдумыванія наши, какъ извѣстно, не привели ни къ чему; причины этого по истинѣ печальнаго факта, за который намъ очень можетъ быть придется дорого расплачиваться,—заключаются въ томъ, что въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, о каковомъ времени и идетъ рѣчь, у насъ было еще очень много сторонниковъ нѣмецкой колонизаціи, поддерживавшихъ ту наивную и ни на чемъ неоснованную мавію, по которой пришлецъ—нѣмецъ считался нашимъ культивизаторомъ и чуть ли не учителемъ и просвѣтителемъ нашимъ. Все это довело до того, что нѣмецкая колонизація была признана полезной въ культурномъ отношеніи и никакихъ мѣръ къ прекращенію ея принято не было. Но нѣмцы боялись и потому торопились. Во время русско-турецкой войны, когда мы всецѣло были заняты великимъ дѣломъ освобожденія балканскихъ славянъ, нѣмцы, пользуясь отвлеченіемъ нашего вниманія, усердно работали надъ расширеніемъ своего Vaterland'a путемъ колонизаціи. Главное вниманіе ихъ въ то время было обращено на непосредственно примыкающій къ германской имперіи Привислянской край, гдѣ они съумѣли захватить въ свои руки, кромѣ массы земель, такіе крупные промышленные центры, какъ Лодзь и Варшава,—и на сосѣднія

съ нимъ пограничныя губерніи (Волинская, Ковенская и др.) Въ этихъ послѣднихъ и въ особенности на Волини и Подоліи примыкающихъ къ Австро-Венгріи, замѣчается особенное усиленіе нѣмецкой колонизаціи съ 1879 года, т. е. со времени возникновенія австро-германскаго союза (едва ли это только простое совпаденіе обстоятельствъ). Съ этого времени начинаютъ появляться изъ Германіи крупныя нѣмецкіе капиталисты, закупающіе въ юго-западныхъ губерніяхъ громадныя, въ десятки тысячъ десятинъ,—пространства земель, обращая ихъ въ уголки Германіи; съ этого же времени начинается быстрое онѣмечиваніе Волини и другихъ пограничныхъ губерній,—однимъ словомъ нѣмецкая колонизація съ 1876 года и въ особенности съ 1879 года начинаетъ принимать крайне опасныя размѣры. Вотъ что говорятъ статистическія данныя.

Въ шестилѣтній періодъ времени съ 1876 по 1882 г. *вновь переселилось въ Юго-западный край 49.962 нѣмца*, т. е. число ежегодныхъ переселенцевъ достигло 8327 человекъ; сравнительно съ предъидущимъ періодомъ (2675 человекъ) увеличилось въ три слишкомъ раза; главная масса всѣхъ этихъ переселенцевъ, а именно *45359 человекъ*, опять таки *пріютилась на Волини*. Всего нѣмецкихъ колонистовъ въ трехъ юго-западныхъ—Кіевской, Волинской и Подольской—губерніяхъ, вновь поселившихся съ прежде тамъ бывшими, къ 1882 году было 103,108 человекъ, при чемъ въ одной только пограничной Волинской губерніи было 87731 нѣмецъ, что по отношенію къ общему населенію этой губерніи, составляло 4,2⁰/₀. Цифра громадная! Сравнивая ее съ цифрами 1875 года, видимъ, что въ одно только шестилѣтіе число нѣмецкихъ колонистовъ на Волини болѣе чѣмъ удвоилось, а именно *приростъ нѣмецкихъ колонистовъ въ шестилѣтіи 1876—1882 г. составлялъ 107⁰/₀*. Изъ числа 103,107 нѣмцевъ въ юго-

западныхъ губерніяхъ русскихъ подданныхъ къ 1882 году было 71,929, т. е. около 70%. Земли во владѣніи и пользованіи нѣмцевъ въ Юго-западномъ краѣ къ 1882 году было 552,717 десятинъ, изъ числа которыхъ 399,953 десят. въ одной только Волынской губерніи, что составляетъ 6% или $\frac{1}{17}$ часть общаго пространства ея. Сравнивая площади земель, занятыхъ нѣмцами въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ въ 1875 году (165,635 десятинъ) и въ 1881 г., видимъ, что въ теченіи шести лѣтъ площадь эта увеличилась въ три съ половиною раза. Здѣсь нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что въ 1875 году на каждаго нѣмецкаго колониста приходилось по $3\frac{1}{9}$ десятины земли, а въ 1882 году уже по $5\frac{3}{9}$ десят. т. е. почти вдвое болѣе; изъ этого видно, что нѣмцы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки земель.

Мы сказали уже, что нѣмцы на Волыни въ 1881 году, по отношенію къ общему населенію этой губерніи, составляли 4,2%. Отбрасывая всѣ не русскіе элементы, и сравнивая нѣмецкое населеніе только съ кореннымъ русскимъ, видимъ, что въ Волынской губерніи въ 1881 году нѣмецкое населеніе по отношенію къ русскому составляло 80%, а въ общей массѣ земледѣльческаго, т. е. крестьянскаго населенія Волыни нѣмцы въ 1881 году составляли 9,8%. Сравнивая, наконецъ, нѣмецкія земли съ крестьянскими, видимъ, что первыя по отношенію къ послѣднимъ составляли въ разсматриваемое время 16,6%, т. е. на каждыя только шесть десятинъ (въ 1875 году — на восемнадцать) крестьянской земли приходится одна — нѣмецкой.

Изъ приведенныхъ выше статистическихъ данныхъ видно, что нѣмецкая колонизація на юго-западѣ Россіи вообще, а въ

особенности на Волыни, достигла къ 1882 году весьма нежелательныхъ размѣровъ. Дѣло приняло весьма серьезный оборотъ и нельзя было на него не обратить вниманія. Вниманіе, дѣйствительно, было обращено, но достаточно серьезныхъ результатовъ отъ этого не получилось и мирное завоеваніе нашихъ окраинъ продолжается и до сихъ поръ и при томъ еще въ несравненно большихъ и опаснѣйшихъ размѣрахъ. Такъ, *въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ, съ 1882 по 1890 г., вновь переселилось въ Юго-западный край нѣмцевъ 175,800 человекъ, среднимъ числомъ переселялось уже по 21,975 человекъ ежегодно.* Общее количество нѣмецкихъ поселенцевъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ возросло въ настоящее время уже до 278,908 человекъ, что составляетъ 3,8% общаго населенія края. По губерніямъ число нѣмецкихъ поселенцевъ распределено весьма неравномѣрно; такъ, въ Кіевской губерніи находится 26,000 нѣмцевъ, въ Подольской 32,000 и въ Волынской 220,000 человекъ, *что составляетъ 10% общаго населенія этой губерніи, то есть десятую часть земли во владѣніи и пользованіи нѣмцевъ въ трехъ поименованныхъ губерніяхъ находится въ настоящее время ни болѣе, ни менѣе, какъ 800,000 десятинъ или 7692 кв. версты, при чемъ на долю одной только пограничной Волынской губерніи приходится 620,000 десятинъ или 5961,5 кв. верстъ, что составляетъ немного менѣе десятой части пространства этой губерніи (64,000 кв. вер.)* По отношенію къ коренному русскому населенію нѣмцы въ настоящее время составляютъ на Волыни уже 18,3%, въ общей же массѣ земледѣльческаго (крестьянскаго) населенія нѣмцы составляютъ 22%, т. е. нѣмцы *въ настоящее время составляютъ болѣе пятой части сельскаго пограничнаго населенія на Волыни.* Нѣмецкія земли по отношенію къ крестьянскимъ составляютъ въ настоящее время 25%, т. е. на

каждые только четыре десятины крестьянской земли приходится одна—нѣмецкой.

Приведенныя нами данныя несомнѣнно доказываютъ, что нѣмцы преслѣдуютъ цѣли правильнаго и прочнаго заселенія нашихъ западныхъ окраинъ; изъ приведенныхъ нами цифръ видно, какъ быстро усиливалась нѣмецкая колонизація на нашемъ юго-западѣ и какихъ грозныхъ размѣровъ достигла она въ настоящее время; такъ, до 1861 года ежегодно переселялось въ Юго-западный край по 162 нѣмца, съ 1861 по 1876 годъ по 2675 нѣмцевъ, съ 1876 по 1882 годъ—по 8327 нѣмцевъ и съ 1882 года ежегодно переселяется по 21,975 нѣмцевъ! Что же будетъ дальше?..

Какъ ни грустно, а приходится сознаться, что нѣмцы ловко и, главное, быстро проникли въ наши пограничныя губерніи и создали въ нихъ что-то въ родѣ германскихъ провинцій. Шутка сказать: десятая часть пограничной Волинской губерніи находится въ нѣмецкихъ рукахъ, десятая часть жителей ея—нѣмцы,—да вѣдь это, пожалуй, болѣе, чѣмъ въ германскихъ имперскихъ провинціяхъ Эльзасѣ и Лотарингіи!... Въ такомъ по истинѣ печальномъ положеніи находятся наши окраины теперь, но не слѣдуетъ забывать, что завоевательное нашествіе нѣмцевъ и овладѣніе ими нашими землями продолжается по прежнему; постоянно, а въ особенности весной сотни нѣмецкихъ семействъ ежедневно прибываютъ изъ Германіи и размѣщаются однѣ въ Привислянскомъ краѣ, другія въ юго-западныхъ, а третьи въ южныхъ губерніяхъ; прекращенія или хотя бы только ограниченія этого ужаснаго нашествія иноплемennыхъ пока еще не производится. Что же ожидаетъ наши пограничныя и сосѣднія съ ними губерніи, хотя бы чрезъ десять лѣтъ, къ наступленію XX вѣка? Если все будетъ

идти по прежнему, то едра-ли, напимърь, Волянъ, и мож-
но будетъ считать русской губерніей; русскіе тамъ бу-
дутъ находиться въ такомъ же положеніи, въ какомъ на-
ходятся теперь французы въ Эльзасъ-Лотарингіи или босня-
ки въ Босніи. Тогда тамъ будетъ ужъ настоящій нѣмецкій
Vaterland и русскимъ, которые будутъ составлять тамъ мень-
шинство, volens nolens придется выбираться и уступать свои
мѣста нѣмцамъ. Конечно, дай Богъ, чтобы ничего подобнаго
не случилось, т. е. чтобы мы во время исправили свои ошибки,
при настоящемъ-же отношеніи къ дѣлу все это болѣе, чѣмъ
возможно...

VII.

Ш т у н д а .

Ближайшимъ результатомъ чрезмѣрнаго развитія нѣмец-
кой колонизаціи является—штунда; вездѣ, гдѣ существуютъ
нѣмецкія колоніи, тамъ существуетъ и штунда, уже самое наз-
ваніе которой говоритъ о ея нѣмецкомъ происхожденіи. Хотя
возникновеніе штунды на юго-западѣ Россіи и относится къ
1860 годамъ, но до послѣдняго времени она находилась, такъ
сказать, въ зачаточномъ состояніи; только въ послѣднее время
распространеніе штунды начало принимать весьма опасныя
размѣры и обращать на себя всеобщее вниманіе. Вопросъ о
штундѣ въ настоящее время положительно не сходитъ со стра

ницъ русскихъ газетъ; стоитъ развернуть любую русскую газету, чтобы наткнуться если не на передовую статью, то на одну или двѣ корреспонденціи, посвященныя этому вопросу. Дѣйствительно вопросъ этотъ весьма серьезный, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что русская печать относится къ нему съ должнымъ вниманіемъ и заслуженнымъ интересомъ; жаль только, что далеко не во всѣхъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, можно найти здравыя разсужденія; такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ столичныхъ публицистовъ, возставая въ защиту нѣмцевъ, штунды и штундистовъ, силятся доказать, что происхожденіе штунды не нѣмецкое, что движеніе это возникло внѣ всякаго внѣшняго вліянія, тѣмъ болѣе нѣмецкаго и т. д. Понятно, что всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ положеніемъ нѣмецкаго дѣла на юго-западѣ Россіи, подобныя тирады кажутся смѣшными, тенденціозность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но вѣдь большая часть нашего общества черпаетъ всѣ свѣдѣнія изъ газетъ, а потому естественно, что тенденціозныя статьи этихъ послѣднихъ о нѣмцахъ и штундѣ приводятъ лишь къ тому, что въ обществѣ укореняются ложныя понятія о такихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, какъ нѣмецкій и штундистскій. Все это вынуждаетъ насъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію главнѣйшихъ основъ и значенія штунды на нашемъ юго-западѣ, привести нѣсколько такихъ фактовъ, которые бы могли служить нагляднымъ доказательствомъ того, что штунда ничто иное какъ результатъ лютеранской пропаганды, которую усиленно ведутъ въ послѣднее время нѣмецкіе пасторы и колонисты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селѣ С., Ровенскаго уѣзда, Волинской губ., жилъ нѣмецъ, державшій вѣтряную мельницу. Съ крестьянами пріѣзжавшими къ нему по дѣлу,

онъ всегда старался заводить разговоры о православной вѣрѣ, понятно, о внѣшней сторонѣ ея, ибо о сущности ея онъ, какъ и всѣ прочіе нѣмецкіе мужики, не имѣлъ никакого понятія. Въ этихъ разговорахъ съ крестьянами нѣмецъ-мельникъ подсмѣивался надъ православнымъ богослуженіемъ, церковными обрядами, надъ иконами, церковью, надъ таинствами и убѣждалъ всегда простодушныхъ и довѣрчивыхъ крестьянъ, что таинства никакихъ нѣтъ, что это выдумки поповъ, чтобы обирать ихъ и т. п. Въ концѣ концовъ нѣмецъ сталъ увѣрять крестьянъ даже въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые примутъ нѣмецкую вѣру, послѣ двухъ-лѣтняго испытанія, получаютъ награду отъ Бога, а именно: они каждое утро будутъ находить подъ своей подушкой двадцатипятирублевую бумажку и т. п. Результатомъ всего этого явилась въ с. С. штунда, въ которую перешло десять человекъ; они повывбрасывали изъ избъ иконы, насмѣхались надъ священникомъ и остальными крестьянами и проч. Эти десять штундистовъ составили изъ себя отдѣльное отъ остальныхъ крестьянъ с. С. общество; сношенія ихъ съ православною церковью совершенно прекратились; къ священнику они обращались только за совершеніемъ погребенія и крещенія дѣтей, такъ какъ находившійся въ ближайшей нѣмецкой колоніи пасторъ, съ которымъ С-скіе штундисты имѣли сношенія, отказался крестить дѣтей на томъ основаніи, что отцы и дѣды новообращенныхъ были православные. Вскорѣ, впрочемъ, штундисты избрали священника изъ своего общества; священникъ этотъ совершилъ нѣсколько крещеній и одинъ бракъ, на которыхъ читались однѣ и тѣ же молитвы. Штундистскій бракъ происходилъ въ Великую Суботу и сопровождался различными безобразіями. Стараніями проживавшаго въ селѣ нѣмца-мельника и совращенныхъ имъ въ штундизмъ крестьянъ число штундистовъ въ С. все увеличивалось; крестьяне переходили въ штундизмъ главнымъ обра-

взломъ потому, что штундисты освобождались отъ платы за тре-
такъ бы церкви и священнику. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кон-
тилось, если бы мѣстный священникъ не позаботился объ уда-
леніи изъ села нѣмца-мельника и о вразумленіи заблудшихъ
крестьянъ. По удаленіи изъ села нѣмца—единственную при-
чину появленія и распространенія въ С. штундизма—этотъ
послѣдній сталъ постепенно ослабѣвать и въ настоящее время
въ селѣ этомъ нѣтъ ни одного штундиста.

Нѣчто подобное было и въ с. Корчинѣ, на Волыни, нѣс-
колько лѣтъ тому назадъ въ село это явилось, вѣрнѣе, было
командировано два штундиста, которые и поселились у одного
изъ мѣстныхъ колонистовъ-нѣмцевъ. Они начали устраивать
у себя вечеринки и приглашать на нихъ мѣстныхъ крестья-
нъ; этимъ послѣднимъ они разъясняли сущность „новой вѣ-
ры“ и преимущества ея предъ „старой вѣрой,“ исповѣдывая
которую приходится платить за свадьбы, за похороны, поку-
пать иконы и проч., тогда какъ „новая вѣра“ ничего этого
не требуетъ. Нѣкоторые болѣе довѣрчивые и легкомысленные
крестьяне начали переходить въ штунду и по окрестностямъ
распространилась молва о появленіи „новой вѣры.“ На по-
мощь бѣдѣ опять таки явился мѣстный священникъ, который,
видя въ начавшейся пропагандѣ нѣмецкую штуку, категори-
чески потребовалъ удаленія вредныхъ агитаторовъ. По удале-
ніи ихъ молва о „новой вѣрѣ“ разсѣялась и о штундизмѣ въ
с. Корчинѣ нѣтъ въ настоящее время и помину.

Приведенные нами два факта, должны, кажется, служить
несомнѣннымъ доказательствомъ того, что основателями и рас-
пространителями штундизма на юго-западѣ Россіи являются
нѣмцы; другихъ причинъ распространенія штунды буквально
не существуетъ и мы положительно утверждаемъ, что

всѣ толки о не нѣмецкомъ происхожденіи штунды — это ни болѣе, ни менѣе, какъ бредъ разстроеннаго воображенія. И въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что нѣмцы въ распространеніи штунды не виноваты и вообще, что штунда съ нѣмцами и нѣмецкой колонизаціей ничего общаго не имѣетъ, то почему же штунда появляется всегда именно тамъ, гдѣ гнѣздятся нѣмцы? Почему, если изъ мѣста появленія штунды удалить нѣмцевъ, то, какъ мы это видѣли въ двухъ выше приведенныхъ примѣрахъ, штундизмъ начинаетъ разсѣиваться и вскорѣ прекращается? Неужели все это только простая *совпаденія обстоятельствъ*? Мы согласны даже допустить возможность такихъ совпаденій, но почему же штундисты, такъ же какъ и нѣмцы-лютеране, отвергаютъ поклоненіе иконамъ? Почему штундисты по отношенію постовъ, праздникова, исповѣди и проч. придерживаются всегда уставовъ лютеранской церкви, а не какой либо другой? Почему штундисты за исправленіемъ своихъ религіозныхъ требъ обращаются къ нѣмецкимъ пасторамъ? Почему....., но вѣдь подобныхъ вопросовъ наберется многое множество, а отвѣтъ на всѣхъ ихъ одинъ и тотъ-же, а именно: потому что *штунда — есть результатъ лютеранской пропаганды и представляетъ изъ себя ничто иное, какъ переходную ступень отъ православія къ лютеранству*. Нѣмцы серьезно рѣшили завладѣть нашими юго-западными окраинами и стремятся къ тому, чтобы все это произошло мирнымъ путемъ, т. е. хитростію; они дѣятельно работаютъ надъ овѣмечиваніемъ намѣченныхъ мѣстностей, для чего ведутъ постоянную борьбу не только съ русской народностью, но и съ православной вѣрой. Благодаря близорукости нашей и отсутствію рѣшительности въ насъ, а также благодаря полнѣйшему отсутствію патріотичности въ значительной части нашей периодической печати, старанія нѣмцевъ достигаютъ блистательныхъ результатовъ: не говоря уже о внѣшнемъ овѣмеченіи, тысячи

русскихъ крестьянъ на всемъ югѣ и югѣ-западѣ Россіи, въ особенности въ Кіевской губерніи (уѣзды: Васильковской, Таращанской и др.) совращаются ежегодно въ штунду и присоединяются къ шайкѣ агитаторовъ, ведущихъ пропаганду лютеранизма. Утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ничего не смыслящіе въ этомъ дѣлѣ столичные публицисты, что штундизмъ — ничто иное, какъ секта, расколъ, болѣе, чѣмъ наивно. Раскольникъ, къ какой бы сектѣ онъ ни принадлежалъ, въ душѣ остается всегда русскимъ, тогда какъ штундисты не считаютъ себя русскими, они „штунда“ (подлинное выраженіе малороссійскихъ штундистовъ), они — „побратимы нѣмцевъ“ (тоже подлинное выраженіе), но не русскіе люди. Штундисты всегда и вездѣ стремятся образовать изъ себя какое-то особое общество, особый народъ, который можетъ дружить только съ нѣмцами. Все это рѣзко отличаетъ штундизмъ отъ великорусскаго сектанства и несомнѣнно указываетъ на иноземное, именно нѣмецкое, происхожденіе штунды.

Вопросъ о штундѣ до сихъ поръ считался вопросомъ только церковнымъ; борьба съ нимъ всецѣло предоставлена одному духовенству, которое, при всемъ своемъ искреннемъ желаніи, помочь горю *одно* не можетъ, ибо штунда не какая либо секта, расколъ, вытекшій изъ самого же православія, а политическая, противогосударственная пропаганда исконныхъ враговъ Россіи и Православія. Вопросъ о штундѣ имѣетъ болѣе серьезное значеніе, чѣмъ многіе о томъ думаютъ; въ штундѣ мы видимъ дерзкое посягательство на русскую народность и православную вѣру, т. е. посягательство на то, что составляетъ главную силу, сущность Россіи, а это такое зло, съ которымъ едва-ли подѣ силу бороться духовенству; для борьбы съ нимъ нужны, кромѣ моральныхъ, и другія мѣры, хотя бы, на примѣръ, административныя. Распространеніе штунды на

юго-западѣ Россіи идетъ такими быстрыми шагами, что мы рѣшительно и немедленно должны измѣнить свои отношенія къ этому дѣлу. Лютеранская пропаганда слишкомъ глубоко уже пустила свои корни и всякое замедленіе въ принятіи съ нашей стороны самыхъ энергическихъ и рѣшительныхъ мѣръ только усложняетъ дѣло и увеличиваетъ трудность борьбы.

Мы говорили уже о томъ, что штундисты стремятся всегда образовать изъ себя какое-то особое общество, особый народъ, который можетъ дружить только съ нѣмцами. Этого мало; штундисты или, вѣрнѣе, распространители штунды—нѣмцы, изгоняютъ изъ заблудшихъ крестьянъ нашихъ все народное, русское: нравы, обычаи, характеръ жизни, пѣсни, даже самая рѣчь въ устахъ истыхъ штундистовъ рѣзко измѣняется, получая какую-то бессмысленную смѣсь малорусской съ нѣмецкой. Народное творчество у штундистовъ совершенно изгоняется: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ штундисты, никогда нельзя услышать звука народной пѣсни. Даже гостепріимство у штундистовъ измѣнило свои старыя малорусскія формы,—однимъ словомъ штундисты теряютъ все русское и постепенно принимаютъ нѣмецкое, измѣняя такимъ образомъ не только своей вѣрѣ, но и національности.

Быстрое распространеніе штунды не требуетъ со стороны нѣмцевъ большихъ усилій; стоитъ появиться въ селѣ тремъ—четыремъ штундистамъ, чтобы заразилось штундой, если и не все, то значительная часть села. Слѣдовательно, нѣмцамъ нужно только занести заразу, а распространяется въ большинствѣ случаевъ она уже сама, подобно какой-нибудь эпидемической болѣзни. Что же дѣлаютъ, что предпринимаютъ нѣмцы для того, чтобы разносить заразу по селамъ юго-западной Россіи? Для этого они не остававливаются ни предъ

чѣмъ и рѣшаются на самыя возмутительныя средства. Такъ, на примѣръ, развѣзая по деревнямъ и селамъ, нѣмецкіе агитаторы рассказываютъ темному люду, что въ скоромъ времени весь юго-западъ Россіи будетъ отданъ нами Германіи, которая заселяетъ уже, какъ это всѣ видятъ, свои будущія провинціи, а потому жителямъ этихъ послѣднихъ нужно какъ можно скорѣй слиться съ нѣмцами, т. е. принять ихъ вѣру, языкъ, обычаи и проч., въ противномъ случаѣ „нѣмецкій царь“ будетъ ихъ скоро преслѣдовать; онъ отберетъ отъ нихъ земли, которыми они владѣютъ и выгонитъ вонъ изъ своей страны. Тѣ же, которые ко времени перехода страны къ „нѣмецкому царю“ сдѣлаются хотя на половину нѣмцами и примутъ нѣмецкую вѣру, тѣ будутъ щедро награждены: „нѣмецкій царь“ раздастъ имъ бесплатно земли тѣхъ, которые будутъ выгнаны въ Россію, освободитъ ихъ отъ разныхъ податей, воинской повинности и пр., и пр. Всего этого довольно, чтобы сбить съ толку нашихъ, не отличающихся большой рассудительностью крестьянъ, которые іезуитскія проповѣди пропагандистовъ принимаютъ за чистую монету, торопятся переходить въ штунду и принимать нѣмецкій обликъ, чтобы не остаться въ послѣдствіи безъ земли и куска хлѣба. Да и какъ не вѣрить темному сельскому люду хитрымъ рѣчамъ не менѣе хитрыхъ нѣмцевъ, когда предъ ними несомнѣнныя доказательства, а именно съ каждымъ годомъ усиливающаяся нѣмецкая колонизація и обеспеченное положеніе нѣмецкихъ колонистовъ? Да и помимо всего этого, переходъ въ штунду является весьма заманчивымъ, ибо переходящіе въ штунду всегда получаютъ на первыхъ порахъ матеріальную поддержку (деньгами, зерномъ и т. п.) отъ нѣмецкихъ пасторовъ и колонистскихъ общинъ, которыя оказываютъ это новообращеннымъ отъ имени „нѣмецкаго царя“. Такимъ образомъ заносится зараза; далѣе происходитъ уже все само собой и очень

просто. Новообращенные штундисты устраивают у себя ночныя и, разумѣется, тайныя собранія; такія собранія происходят преимущественно осенью и зимой, когда народъ никакой работы не имѣетъ и вынужденъ проводить время праздну. Понятно, что въ такое время всякій съ удовольствіемъ откликнется на приглашеніе и пойдетъ въ штундистское собраніе, гдѣ его угощаютъ чаемъ и разными лакомствами. Кромѣ того на собраніяхъ этихъ читаютъ нѣкоторыя мѣста Евангелія и объясняютъ ихъ по своему, а за тѣмъ, когда православная вѣра въ слушателяхъ уже поколеблена, начинаютъ рассказывать по секрету различныя соблазнительныя небылицы, вродѣ тѣхъ, о которыхъ мы упоминали выше. Такой способъ распространенія штунды практикуется почти повсемѣстно. Усилія же сельскаго духовенства къ недопущенію вышеописанныхъ собраній не приводятъ, да и не могутъ привести, ни къ какимъ результатамъ, ибо оно можетъ дѣйствовать только силой слова, убѣжденіемъ, крестьянство же наше, особенно малорусское, не достигло еще того уровня развитія, при которомъ оно могло бы отличать бѣлое отъ чернаго. Нѣмецкіе пропагандисты услаждаютъ ихъ болѣе заманчивыми рѣчами, обѣщая въ нихъ матеріальныя выгоды, и угощаютъ во время своихъ рѣчей чаемъ и лакомствами; понятно, что мужикъ охотнѣе слушаетъ такія много обѣщающія и подслащенные рѣчи пропагандистовъ, чѣмъ спасительныя проповѣди священника. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла бороться со зломъ духовенство не можетъ, — „одинъ въ полѣ не воинъ“, — на помощь ему должна прійти сельская администрація; только дружныя усилія администраціи и духовенства могутъ помѣшать распространенію штунды. Но и этого еще не достаточно для того, чтобы штунда прекратила свое вредное существованіе. Необходимо уничтожить еще тѣ при-

виллегии, которыми неизвѣстно почему пользуются штундисты и которыя составляютъ для южно-русскихъ крестьянъ одну изъ самыхъ заманчивыхъ сторонъ штунды. Справедливо-ли, въ самомъ дѣлѣ, что крестьяне, переходящіе въ штунду, немедленно освобождаются отъ участія въ расходахъ по содержанію и благолѣпію своего сельскаго православнаго храма? Справедливо-ли то, что штундисты освобождаются отъ участія въ расходахъ по содержанію народныхъ школъ? Справедливо-ли, наконецъ, то, что, какъ на примѣръ, въ нѣкоторыхъ селахъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи, штундисты не принимаютъ участія въ исполненіи нѣкоторыхъ повинностей, на примѣръ, исправленія дорогъ? Все это въ глазахъ крестьянъ ставитъ штундистовъ въ какое-то привилегированное положеніе; освобожденіе, хотя-бы и самовольное, штундистовъ отъ различныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей положительно заманиваетъ крестьянъ въ ихъ лагерь, тѣмъ болѣе, что штундисты о вышеприведенныхъ предметахъ говорятъ всегда прямо и открыто, какъ-бы хвастаются и выставляютъ все это штундистскими льготами, дарованными имъ—„нѣмецкимъ царемъ“. Простодушные крестьяне вѣрятъ всѣмъ этимъ бреднямъ, ибо не видятъ вокругъ себя ничего такого, чтобы могло опровергнуть ихъ; какого либо особаго преслѣдованія правительствомъ штундистовъ они не видятъ, все окружающее общество относится къ штундистамъ съ какою-то боязнью, и проч., однимъ словомъ они не видятъ въ штундѣ ничего незаконнаго, за что бы они могли послѣ поплатиться, между тѣмъ она предоставляетъ имъ матеріальныя выгоды и нѣкоторыя льготы,—понятно, они не задумывались переходить въ штунду.

Вина въ быстромъ распространѣніи штунды падаетъ отчасти на насъ самихъ; нѣмцы занесли къ намъ штунду, мы же, вмѣсто того, чтобы сразу уничтожить ее, дали ей возможность окрѣпнуть у насъ и распространиться до ея нынѣшнихъ размѣровъ. Вина наша заключается въ томъ, что мы относимся къ штундѣ, какъ и вообще ко всѣмъ нѣмецкимъ проискамъ, сдержанно и нерѣшительно; до сихъ поръ, не смотря на грозящую намъ опасность отъ чрезвычайнаго развитія нѣмецкой колонизаціи и штунды, мы не приняли необходимыхъ мѣръ къ огражденію своей страны отъ иноплеменнаго вліянія. Вѣдь православіе—это краеугольный камень русской государственной жизни; въ правѣ ли мы послѣ этого относиться къ штундѣ, ведущей къ подрыву православія, съ тою сдержанностью и безразличіемъ, какія мы выказывали до сихъ поръ? Нѣтъ, мы должны рѣшительно и безотлагательно перемѣнить свои отношенія къ нѣмецкому вопросу и принять самыя энергическія мѣры къ огражденію государства отъ угрожающей ему опасности. Чѣмъ скорѣе мы примемся за это великое дѣло, тѣмъ лучше для насъ. Необходимо съ корнемъ вырвать тѣ скверныя нѣмецкія плевелы, которыя выросли и благоденствуютъ на нашей родной нивѣ и глушатъ ее тѣмъ болѣе, чѣмъ снисходительнѣе относится къ нимъ законъ. Намъ нечего церемониться съ вредными для нашей государственной жизни агитаторами; кто-бы они ни были: русскіе-ли, нѣмцы-ли, французы-ли—это все равно; разъ они ведутъ пропаганду, колеблющую православіе и угрожающую цѣлости государства,

мы должны, мы обязаны, уничтожить ихъ и никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ отдавать не обязаны....

VIII

Что намъ дѣлать?

„Что же намъ дѣлать? Какъ спасти наши окраины отъ дальнѣйшаго завоеванія и оцѣмечиванія нѣмцами и какъ избавить ихъ отъ окончательнаго разоренія, порождаемаго нѣмецкой культурой?...“ Таковой вопросъ задали мы въ первой главѣ и сказали, что пользуясь данными, почерпнутыми нами изъ продолжительнаго изученія нѣмецкаго вопроса на мѣстѣ, будемъ говорить впереди. Разрѣшеніе этого вопроса мы для того отложили на конецъ, чтобы дать прежде читателямъ возможно правильное понятіе о томъ печальномъ положеніи нашихъ юго-западныхъ окраинъ, въ которомъ находятся онѣ, благодаря мирному завоеванію ихъ нѣмцами, а также, чтобы выяснить прежде, какъ происходитъ это завоеваніе и чѣмъ угрожаетъ оно намъ въ будущемъ. Выяснивъ и разобравъ все это, мы можемъ теперь приступить къ разработкѣ вышеприведеннаго вопроса, но здѣсь необходимо сдѣлать маленькое вступленіе, а именно: прежде чѣмъ говорить о томъ, что мы

должны дѣлать для освобожденія пограничныхъ губерній отъ нѣмецкаго владычества, посмотримъ, *что мы сдѣлали* въ этомъ отношеніи, т. е. какія мѣры принимали мы и принимали-ли до сего времени, чтобы отбить у нѣмцевъ аппетитъ на наши земли и воспрепятствовать дальнѣйшей германизаціи нашихъ окраинъ?...

До 1887 года мы не предпринимали ровно никакихъ мѣръ; почти до послѣдняго времени нѣмецкая колонизація не только не возбранялась, но, напротивъ, поощрялась. Только съ 1887 года высказалось стремленіе къ разрѣшенію давно уже назрѣвшаго, такъ называемаго, нѣмецкаго вопроса; для этой цѣли было издано у насъ два закона, а именно: 14 марта 1887 года и 15 июня 1888 года, но оба эти закона, какъ извѣстно, касаются лишь устройства быта и опредѣленія правъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ юго-западныхъ и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, при чемъ, разумѣется, имѣлось въ виду, и огражденіе ихъ отъ дальнѣйшаго наплыва нѣмцевъ и добровольное удаленіе ранѣ поселившихся. Посмотримъ, однако, какіе результаты дало трехлѣтнее примѣненіе помянутыхъ законовъ на практикѣ и принесли ли, а также *могутъ ли принести* они дѣйствительную пользу?

Закономъ 14 Марта 1887 года воспрещается въ десяти губерніяхъ царства Польскаго, въ губерніяхъ: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской Гродненской, Кіевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской и Подольской—пріобрѣтать иностраннымъ подданнымъ какими бы то ни было способами и на какихъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаніяхъ, внѣ портовыхъ и

другихъ городскихъ поселеній, права собственности на недвижимыя имущества. Казалось бы, чего лучше? Приобрѣтеніе собственности на недвижимыя имущества, въ томъ числѣ и на землю, воспрещено, слѣдовательно нѣмецкая колонизація должна прекратиться; такъ думали многіе при изданіи упомянутаго закона, но дѣло въ томъ, что законъ 14 Марта 1887 года воспрещаетъ покупку земель въ вышепоименованныхъ губерніяхъ не иностраннымъ поселенцамъ вообще, а *только иностраннымъ подданнымъ*, слѣдовательно, приобрѣтеніе земель оказалось вовсе не воспрещеннымъ для тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ принять русское подданство, а этого разумѣется, пожелаетъ каждый нѣмецъ, желающій прибрѣсти въ одной изъ нашихъ пограничныхъ губерній землю. Такимъ образомъ законъ 1887 года является мѣрой совсѣмъ не къ ограниченію нѣмецкой колонизаціи, а къ добровольному принятію нѣмцами русскаго подданства. Въ этомъ отношеніи законъ 14 Марта 1887 года достигъ блистательныхъ результатовъ; со времени изданія его прошло только три года, а уже $\frac{3}{4}$ нѣмецкихъ поселенцевъ въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ считаются русскими подданными. Но какая отсюда польза? Есть ли что либо утѣшительнаго въ томъ, что всѣ нѣмецкіе поселенцы дѣлаются русскими подданными? Чтобы отвѣтить на эти вопросы нужно знать, что представляетъ изъ себя наше подданство въ глазахъ нѣмцевъ, какъ относятся они къ нему и проч. Имѣя на то вѣскія причины, мы положительно утверждаемъ, что принятіе русскаго подданства въ глазахъ нѣмцевъ представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ пустую, ничего не значущую для нихъ формальность, которую они охотно выпол-

няють для приобрѣтенія нужныхъ имъ правъ. Но почему же принятіе русскаго подданства составляетъ для нѣмца пустую и ничего не значащую формальность? Вѣдь принятіе русскаго подданства должно обязывать его измѣнить свои враждебныя отношенія къ Россіи и всему русскому, обязываетъ его, въ случаѣ надобности, защищать русскіе интересы, которые легко могутъ быть совершенно противоположными германскимъ, и за всякую измѣну этимъ интересамъ налагаетъ на него юридическую и нравственную отвѣтственность предъ страной и проч. Неужели наши заядлые нѣмцы рѣшаются на все это ради какого нибудь клочка земли? Ничуть не бывало. Нѣмцы только *приписываются* къ нашему подданству, но *подданными нашими* на самомъ дѣлѣ *не дѣлаются*, а продолжаютъ по прежнему оставаться фанатически преданными сынами Германіи. Происходитъ это потому, что въ Германіи существуетъ законъ, разрѣшающій германскимъ гражданамъ, проживающимъ внѣ предѣловъ германской имперіи, такъ называемое, „*двойное подданство*“, если таковое почему либо представляется для нихъ выгоднымъ, но съ тѣмъ, конечно, условіемъ, что ихъ обязанности по отношенію къ германской имперіи, какъ на-примѣръ, по обще-воинской повинности, всегда сохраняютъ свою силу. Принятіе двойнаго подданства разрѣшается германскимъ гражданамъ именно для того, чтобы въ мирное время они удобнѣе и полнѣе могли воспользоваться всѣми преимуществами и льготами натурализованныхъ гражданъ той страны, въ фиктивное подданство коей они вступили, а въ случаѣ войны, обязательно вступая въ ряды германской арміи, могли бы оказывать ей существеннѣйшую пользу своимъ осно-

вательнымъ знакомствомъ съ обитаемою ими мѣстностью. Изъ этого ясно, что русское подданство принимается нѣмцами *фактивно* для того, чтобы воспользоваться всѣми преимуществами и льготами русскихъ гражданъ. Приписываясь къ нашему подданству, нѣмцы совсѣмъ не считаютъ нужнымъ сдѣлаться нашими подданными и хотя бы немного измѣнить свои взгляды и отношенія ко всему русскому, именно въ силу существованія въ Германіи закона о двойномъ подданствѣ. Нѣмцы просто на просто выдумали „игру въ подданные“ и играютъ съ нами въ нее безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Намъ извѣстно, на примѣръ, немало такихъ случаевъ, когда нѣмцы—русскіе подданные, прожившіе въ Россіи болѣе 20 лѣтъ, обзаведясь у насъ семей и скопивъ деньги, послали своихъ сыновей въ Германію для... отбытія воинской повинности. Ужъ это прямо насмѣшка надъ нами, даже оскорбленіе, злоупотребленіе нашими добрыми отношеніями къ недостойнымъ приплецамъ, а вѣдь подобные случаи далеко не рѣдкость....

Изъ сказаннаго должно быть, кажется, понятнымъ, что представляетъ изъ себя наше подданство въ глазахъ нѣмцевъ, какъ относятся они къ нему и проч. Теперь посмотримъ, выиграли-ли мы что нибудь отъ того, что большая часть нѣмецкихъ поселенцевъ въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ приписалась къ русскому подданству, т. е. основательны-ли были наши стремленія къ тому, чтобы всѣ наши нѣмцы-колонисты были русскими подданными?

Нѣтъ сомнѣнія, что приписка къ русскому подданству является для нѣмцевъ весьма выгодной формальностью; соблю-

деніемъ ея нѣмцы, во первыхъ, приобретають право на приобретение повсемѣстно въ Россіи, не исключая и пограничныхъ губерній, земель, а во вторыхъ, упрочиваютъ на вѣчныя времена свое пребываніе, въ видѣ нѣмецкаго авангарда, въ пограничной полосѣ, что представляется на столько же желательнымъ для нихъ, насколько опаснымъ для насъ. Мы отъ присяжки нѣмцевъ къ русскому подданству буквально ничего не выигрываемъ; напротивъ, это причиняетъ намъ лишнія хлопоты и налагаетъ на насъ нѣкоторыя обязанности по отношенію къ нимъ, какъ натурализованнымъ русскимъ гражданамъ. Но главная непрактичность заключается въ томъ, что, съ принятиемъ нѣмцевъ въ русское подданство, мы сами, какъ бы умышленно, дѣлаемъ временное пребываніе ихъ у насъ постояннымъ и тѣмъ лишаемъ себя всякой надежды на очищеніе, хотя бы въ будущемъ, нашихъ пограничныхъ губерній отъ искони враждебнаго намъ элемента. Когда живущая у насъ масса нѣмцевъ не считалась русскими подданными, тогда мы имѣли полное право считать ихъ пребываніе у насъ *временнымъ*, ибо иностранныхъ подданныхъ мы во всякое время, а тѣмъ болѣе въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ, могли подвергнуть той же участи, какой подвергъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывший германскій канцлеръ Бисмаркъ русскихъ подданныхъ въ Познани, т. е. выслать ихъ за предѣлы нашего отечества. Теперь же, т. е. когда почти всѣ нѣмецкіе поселенцы считаются нашими подданными, сдѣлать этого мы не можемъ, а потому, въ случаѣ разрыва нашего съ Германіей, мы должны ожидать всякихъ непріятныхъ случайностей, могущихъ произойти въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ и причинить намъ серьез-

ные хлопоты. Такимъ образомъ, благодаря принятію нѣмцевъ въ русское подданство, юго-западныя окраины наши еще долго, а можетъ быть и всегда будутъ находиться въ томъ нежелательномъ положеніи, которое дѣлаетъ ихъ весьма неблагонадежными въ политическомъ отношеніи и требуетъ съ нашей стороны постояннаго и бдительнаго надзора. Изъ всего этого само собой понятно, что недавнія стремленія наши къ тому, чтобы всѣ нѣмецкіе колонисты на юго-западѣ Россіи приписались къ русскому подданству—было съ нашей стороны ошибкой. Избави Богъ насъ отъ такихъ подданныхъ, какими являются нѣмецкіе колонисты!....

Стремленія наши, какъ видно теперь уже и изъ практики, должны сводиться не къ привлеченію нѣмцевъ къ принятію русскаго подданства, а, напротивъ, къ тому, чтобы всѣ они оставались иностранными подданными, тогда бы у насъ были развязанныя руки, тогда мы во всякій моментъ могли бы показать всѣмъ, что Россія для русскихъ и тѣмъ оплатитъ нѣмцамъ монетою Бисмарка. Теперь же руки у насъ связаны, мы должны сносить всевозможныя нѣмецкія выходки въ нашемъ родномъ отечествѣ и окажемся въ затруднительномъ положеніи въ случаѣ необходимости освободить свои окраины отъ иноземнаго владычества....

И такъ, мы видимъ, что законъ 14 марта 1887 года привелъ къ результатамъ, едва-ли не противоположнымъ тѣмъ, какіе отъ него ожидалось. Все это произошло отъ того, что при составленіи помянутаго закона не было принято во вниманіе то весьма важное обстоятельство, что между нѣмцами

иностранными (германскими) и русскими подданными—разницы никакой не существует; что подданство наше принимается нѣмцами не изъ желанія *сдѣлаться* русскими гражданами, а изъ корыстныхъ и разныхъ другихъ цѣлей; что нѣмцы не только теперь, но и никогда *de facto* нашими подданными не будутъ и тѣ изъ нихъ, которые считаются нами за нашихъ подданныхъ, на самомъ дѣлѣ продолжаютъ быть фактически преданными сынами своего прежняго отечества и пр., и пр. Однимъ словомъ, не были приняты во вниманіе многія весьма существенныя обстоятельства, вслѣдствіе чего законъ вышелъ замѣтно не полнымъ и не могущимъ потому достигнуть на практикѣ своихъ цѣлей. Въмѣсто того, чтобы способствовать, какъ сказано въ предисловіи помянутаго закона, „укрѣпленію на западной окраинѣ Имперіи русскаго землевладѣнія и сближенію оной съ прочими частями государства,“ вмѣсто этого блага предначертанія, законъ 14 марта 1887 года на всегда закрѣпилъ пребываніе враждебныхъ нашему отечеству элементовъ въ Имперіи и затруднилъ возможность предпринять какія либо мѣры для освобожденія ея отъ иноплеменныхъ.

Нужно, однако, замѣтить, что положеніе, созданное закономъ 14 марта 1887 года, не могло еще считаться безвыходнымъ: и русскихъ подданныхъ нѣмецкихъ поселенцевъ мы, въ случаѣ необходимости, могли бы попросить перебраться изъ пограничныхъ губерній во внутреннія и тѣмъ гарантировать себя отъ всякихъ случайностей на западной границѣ, но, къ несчастію, и такая мѣра въ настоящее время сдѣла-

лась затруднительной. Дѣло въ томъ, что почти вслѣдъ за упомянутымъ закономъ о воспрещеніи иностраннымъ подданнымъ приобрѣтать земли, вышелъ законъ 15 іюня 1888 года объ устройствѣ быта иностранныхъ поселенцевъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, въ силу коего всѣ нѣмцы въ названныхъ губерніяхъ обязаны приписаться къ мѣстнымъ крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ, что въ настоящее время и приводится въ исполненіе. Такимъ образомъ, закономъ этимъ за нѣмецкими поселенцами закрѣплено ихъ пребываніе именно въ пограничныхъ губерніяхъ. Все это какъ нельзя болѣе на руку нѣмцамъ и потому они, сверхъ своего обыкновенія, прекрасно понимаютъ законъ 1888 года и охотно ему подчиняются. Мы же поставлены этимъ закономъ, если и не въ безвыходное, то въ крайне затруднительное положеніе.

Сказаннаго нами въ настоящей главѣ достаточно, кажется, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что законы 14 марта 1887 года и 15 іюня 1888 года оказались на практикѣ не только не достигающими, но и не могущими достигнуть нужныхъ намъ цѣлей. Даже численный составъ нѣмецкихъ поселенцевъ на юго-западѣ Россіи увеличился со времени изданія помянутыхъ законовъ болѣе, чѣмъ на 40 тысячъ. Все это, безъ сомнѣнія, говоритъ за необходимость принятія другихъ, болѣе дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ; сдѣлать это нужно немедленно, теперь же, пока еще не всѣ нѣмцы въ пограничныхъ губерніяхъ успѣли приписаться къ русскому подданству и, пользуясь закономъ 15 іюня 1888 года,

закрѣпить окончательно свое пребываніе въ пограничной полосѣ, ибо когда все это удастся имъ привести въ исполненіе, тогда едвали можно будетъ что либо сдѣлать.

Какія-же мы должны предпринять мѣры? Для прекращенія мирнаго завоеванія нашихъ юго-западныхъ окраинъ и удаленія изъ нихъ „побѣдителей,“ по нашему крайнему разумію, совершенно не требуется выработки *новыхъ* правилъ и законовъ. У насъ дѣйствуютъ законы 10 іюля 1864 года, 10 декабря 1865 года и 27 декабря 1884 года относительно воспрещенія пріобрѣтенія въ собственность, залога, аренды и управленія въ девяти западныхъ губерніяхъ земельныхъ имуществъ лицамъ польскаго и еврейскаго происхожденія. Поименованные законы и правила дѣйствуютъ уже десятки лѣтъ, а потому могутъ считаться вполне испытанными (по отношенію къ полякамъ и евреямъ) и оказали громаднѣйшія услуги русскому дѣлу въ девяти западныхъ губерніяхъ; зачѣмъ-же намъ выработывать новые законы, которые могутъ еще, подобно законамъ 1887 и 1888 гг., оказаться на практикѣ недействительными, когда стоитъ только *распространить вышеназванные старые и испытанные уже законы на лицъ нѣмецкаго происхожденія* и безконечный нѣмецкій вопросъ будетъ поставленъ на твердую и вѣрную почву. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣмъ извѣстно, что большая часть нѣмцевъ на юго-западѣ Россіи собственной земли не имѣетъ, а арендуетъ таковую у помѣщиковъ, слѣдовательно, если запретить имъ покупку и арендованіе земли въ этой части Имперіи, то само собой понятно, что все то большинство нѣмцевъ, которое осно-

валось на арендныхъ земляхъ, вынуждено будетъ уйти изъ пограничныхъ губерній и или возвратиться обратно nach Vaterland, или же переселиться въ другую часть нашего обширнаго отечества, хотя-бы, на примѣръ, въ ту-же, въ какую переселяются наши безземельные крестьяне. Такимъ образомъ, не только прекратится мирное завоеваніе нашихъ окраинъ, но и освободится наша пограничная полоса отъ заклятыхъ враговъ нашего отечества. Это первый и, разумѣется, самый главный результатъ вышепредложенной мѣры; но въ предлагаемой мѣрѣ есть еще и другія хорошія стороны, а именно: введеніемъ ея будетъ уничтожена вопіющая несправедливость, по которой пришлепцы—нѣмцы пользуются у насъ какими-то особенными привилегіями и составляютъ на нашемъ юго-западѣ какой-то привилегированный классъ населенія. И въ самомъ дѣлѣ, почему нѣмцы, хотя бы и русскіе подданные, могутъ приобрѣтать земли въ Западномъ краѣ, а поляки и евреи такіе же самые, если не лучшіе, русскіе подданные права этого не имѣютъ? Мы говоримъ это, разумѣется, не къ тому, чтобы провести мысль о необходимости отмѣны ограничительныхъ законовъ относительно лицъ польскаго и еврейскаго происхожденій,—нѣтъ; мы далеки отъ такой мысли, ибо знаемъ и понимаемъ, что сдѣлать этого нельзя, что законы эти въ Западномъ краѣ болѣе, чѣмъ необходимы, но мы говоримъ о необходимости *уравненія правъ* лицъ нѣмецкаго происхожденія съ лицами польскаго и еврейскаго происхожденій. Всѣ существующіе ограничительные законы изданы для великой цѣли утвержденія и усиленія русскаго землевладѣнія, слѣдовательно они должны распространяться на всѣ не русскіе элементы въ юго-западной Россіи;

къ таковымъ же тамъ принадлежать, кромѣ поляковъ и евреевъ, также нѣмцы, которые въ послѣдніе годы напрягаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы *утвердить* въ Западномъ краѣ *нѣмецкое землевладѣніе* и скупить имѣнія русскихъ землевладѣльцевъ. Вообще, необходимо сказать, что нѣмцы въ Юго-и Сѣверо-западномъ краѣ составляютъ трудно преодолимую преграду для утвержденія тамъ русскаго дѣла и русскаго землевладѣнія; они со свойственнымъ ихъ націи упорствомъ, заняты утвержденіемъ въ Западномъ краѣ нѣмецкаго дѣла и развитіемъ нѣмецкаго землевладѣнія, а потому составляютъ собой одинъ изъ вреднѣйшихъ и опаснѣйшихъ элементовъ въ краѣ. Все это, вмѣстѣ съ географическимъ положеніемъ нашего Западнаго края, убѣдитъ насъ въ необходимости немедленно принять самыя строгія и энергическія мѣры для спасенія нашихъ окраинъ. Мѣры эти должны заключаться въ распространеніи *на лицъ нѣмецкаго происхожденія* законовъ 10 іюля 1864 года, 10 декабря 1865 года, 3 мая 1882 года и 27 декабря 1884 года, т. е. необходимо *воспретить лицамъ нѣмецкаго происхожденія* (а не только иностраннымъ подданнымъ, какъ это оговорено въ законѣ 14 марта 1887 года) *покупку, аренду, залогъ, управленіе и вообще пользованіе какими-бы то ни было способами и на какихъ-бы то ни было основаніяхъ* землями въ западныхъ и вообще во *всѣхъ пограничныхъ и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ*. Кромѣ того, наученные горькимъ опытомъ, мы должны всѣми возможными средствами избѣгать принятія нѣмцевъ въ русское подданство, ибо это послѣднее приноситъ выгоды только нѣмцамъ, намъ же, напротивъ, связываетъ руки и лишаетъ возможности при-

нтя могущихъ понадобится въ будущемъ мѣрѣ для очищенія отъ враждебнаго элемента нашихъ окраинъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что предлагаемая нами мѣра для прекращенія мирнаго завоеванія нашихъ окраинъ и удаленія изъ нихъ „побѣдителей“ никоимъ образомъ не можетъ оказаться недѣйствительной, ибо, повторяемъ, она испытана уже по отношенію къ полякамъ и евреямъ и оказалась уже на столько полезной и дѣйствительной, что въ началѣ прошлаго года былъ возбужденъ даже вопросъ о своевременности уничтоженія генераль-губернаторской власти въ Юго-западномъ краѣ. Мѣрой этой никто не можетъ быть не доволенъ, ибо ей уравниваются только права лицъ нѣмецкаго происхожденія съ лицами польскаго и еврейскаго происхожденія, а это можетъ вызвать только довольство.

А. П. Липранди.

